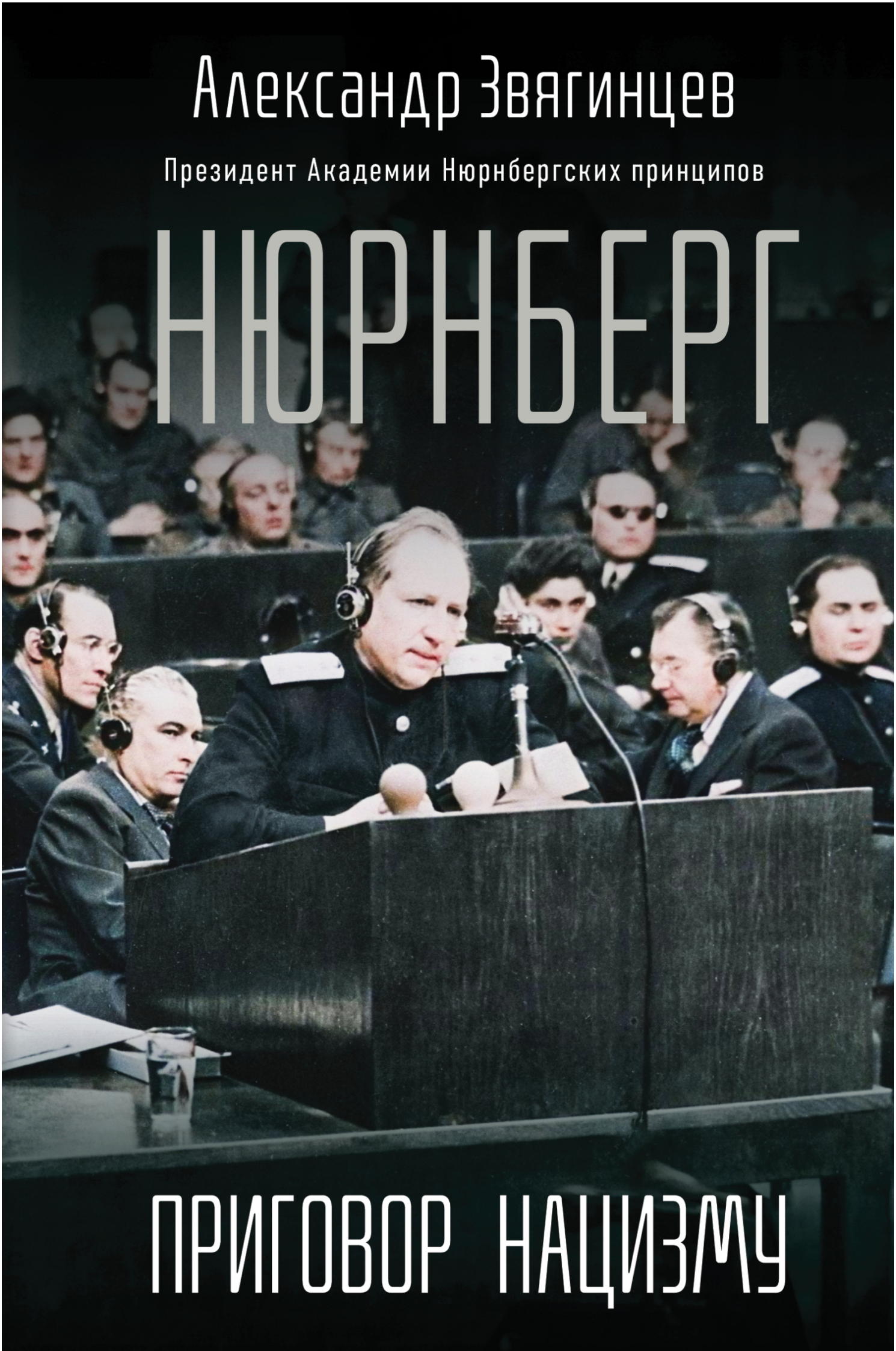
Александр Звягинцев

Президент Академии Нюрнбергских принципов

НЮРНБЕРГ



ПРИГОВОР НАЦИЗМУ

80 лет Победы

Александр Звягинцев

Нюрнберг. Приговор нацизму

«Эксмо»
2025

УДК 341.64"1945/46"
ББК 67.71+63.3(0)622

Звягинцев А. Г.

Нюрнберг. Приговор нацизму / А. Г. Звягинцев — «Эксмо», 2025 — (80 лет Победы)

ISBN 978-5-04-224110-9

Книга посвящена самому важному судебному процессу в истории человечества – Нюрнбергскому трибуналу. Международный военный трибунал в Нюрнберге стал первым в истории опытом осуждения преступлений государственного масштаба – правящего режима, его карательных институтов, высших политических и военных деятелей, промышленников и финансистов. Издание подготовлено на основе редких архивных документов, в том числе недавно рассекреченных, малодоступных источников, новейших исследований, воспоминаний современников, а также личных встреч автора с непосредственными участниками тех далеких событий и их родственниками. Часть материалов публикуется впервые. Автор книги – Александр Григорьевич Звягинцев: президент Академии Нюрнбергских принципов, заместитель генпрокурора РФ (2000–2016), заместитель директора Института государства и права РАН, автор многих исторических и документальных книг, а также остросюжетных романов, пьес и киносценариев. Издание иллюстрировано уникальными рисунками выдающегося художника-графика Николая Николаевича Жукова, присутствовавшего на Нюрнбергском трибунале в качестве корреспондента газеты «Правда».

УДК 341.64"1945/46"
ББК 67.71+63.3(0)622

ISBN 978-5-04-224110-9

© Звягинцев А. Г., 2025
© Эксмо, 2025

Содержание

От автора 9
Пролог 13
Часть I 22
Глава 1. Почему Нюрнберг? 22
Глава 2. Суд еще не открылся, но уже заседает… 26
Глава 3. Вся бездна нацистского зла 30
Глава 4. Они все сказали – нет! 33
Глава 5. Побег в царство мертвых 37
Часть II 38
Глава 1. Это был «процесс документов» 38
Глава 2. Сложности перевода 42
Глава 3. Немного о тех, кто обвинял и судил нацистов 46
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Александр Григорьевич Звягинцев
Нюрнберг. Приговор нацизму

© Звягинцев А.Г.
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2025
Фотография на 1-й стороне переплета: © Евгений Халдей / РИА Новости

В оформлении книги использованы рисунки народного художника СССР *Н. Н. Жукова* из коллекции Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации

Данная книга является переизданием труда А. Г. Звягинцева «Нюрнберг. Высший суд». Внесены дополнения, сделаны сокращения, добавлен новый иллюстративный материал

* * *

Фотография © Михаил Метцель / РИА Новости

Мы должны делать все от нас зависящее, чтобы преступные нацистские доктрины, в какие бы одежды они ни рядились, остались в прошлом, чтобы выводы Нюрнбергского трибунала были и сегодня незыблемы. Мы обязаны беречь и отстаивать правду о войне, противостоять любым попыткам оправдать пособников нацистов, не позволим поставить в один ряд палачей и их жертв, исказить истину и заменить ее разного рода фальсификациями и домыслами.

Президент Российской Федерации В. В. Путин

К читателям книги «Нюрнберг. Приговор нацизму»

Уважаемые читатели!

Уже в 1942 году советское руководство осознавало необходимость создания международного трибунала, перед которым должны были предстать главари нацистского режима и понести заслуженное наказание. Подписание Акта о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил ознаменовало окончание Великой Отечественной войны и победу над нацизмом, но казалось немыслимым поставить на этом точку. Требовалось дать моральную и юридическую оценку многочисленным бесчеловечным преступлениям гитлеровских захватчиков.

Символично, что идея «Суда народов» воплотилась именно в Нюрнберге в старинном городе, который более 10 лет был цитаделью немецкого нацизма, а позднее вошёл в историю как символ краха чудовищных мечтаний о господстве арийской расы. Нюрнбергский процесс обнажил бесчеловечную сущность Третьего рейха, продемонстрировав миру все муки и страдания людей, подвергшихся жестоким ударам агрессора.

Книга, которую вы держите в руках, призвана распахнуть перед читателями двери в судебный зал Дворца Правосудия и рассказать о главном трибунале XX века. Созданное на основе исторических исследований и дополненное воспоминаниями участников и фотохроникой, издание будет интересно как профессиональным исследователям, так и самому широкому кругу читателей.

Председатель Российского исторического общества С. Е. Нарышкин

Деятельность Нюрнбергского Международного военного трибунала нередко называют «нюрнбергским эпилогом». В отношении казненных главарей Третьего рейха и распущенных преступных организаций эта метафора вполне оправдана. Но зло, как видим, оказалось более живучим, чем многим это представлялось тогда, после Великой Победы. И оно не кануло в Лету со смертью последних военных преступников. События наших дней, в том числе в соседних с Россией странах, это как нельзя лучше подтверждают.

Именно поэтому мы должны продолжить дело, начатое Судом народов 80 лет назад, и не только ради сохранения исторической памяти, но и для того, чтобы не допустить нового ада на нашей планете!

Александр Звягинцев

От автора

Меня часто спрашивают, почему на протяжении многих лет я постоянно обращаюсь к Суду народов в Нюрнберге? Почему эта тема столько лет не отпускает меня?

Помню, как мама повела меня на Старое Лукьяновское кладбище в Киеве, на могилу моей прабабушки Феклы Дмитриевны. Я тогда только пошел в школу. Когда мы шли мимо Бабьего Яра, мама сказала: «*А ведь здесь могла лежать и я…*»

Автор книги и заместитель Генерального прокурора СССР В. В. Найденов у мемориала в Бабьем Яру. Киев, сентябрь 1976 года. (Фото из личного архива автора.)

Мама всю жизнь не могла забыть сентябрьское утро 1941 г., когда она провожала своих школьных подруг-евреек, которые по приказу гитлеровцев с родителями колонной шли к Бабьему Яру. В районе Львовской площади сопровождавший колонну конвоир-немец спросил у мамы: «*Юден?*» Она честно сказала: «*Нет, русская*». Немец выдернул ее из колонны и толкнул в спину: «*Weg! Уходи!*»

Так мама чудом не разделила страшную судьбу своих школьных подруг.

В Бабьем Яру были расстреляны не только евреи. Здесь сложили голову еще более 25 тысяч военнопленных, подпольщиков, коммунистов, комсомольцев, цыган, здесь расстреляли трех игроков футбольной команды «Динамо» – участников так называемого Матча смерти.

Но страшный час моей мамы и бабушки пробил позже, когда их – русских, украинцев, людей других национальностей – загнали в телятники и отправили в фашистское рабство в Германию, а деда-подпольщика расстреляли…

Все без исключения мои родственники прошли войну. Многие не вернулись домой. Отец с первых дней войны был на фронте. Летом 1943 г., во время Курской битвы, он вместе с отрядом минометчиков был заброшен в тыл врага. И когда кончились мины, гитлеровцы выдвинули ультиматум – сдаться в плен. Сдаваться никто не собирался…

В наградном листе на представление отца к высокой государственной награде в разделе «Конкретное изложение личного подвига», в частности, отмечалось, что с 5 по 10 июля 1943 г. под его командованием было уничтожено «*до батальона пехоты… после того как закончились*

мины, бойцы стали расстреливать немцев из автоматов». Подняв оставшихся в живых солдат в атаку, отец не только «*вышел из окружения, но и вынес всю материальную часть минометов*». На следующий день он опять пошел в бой и был тяжело контужен. Нашли его только на вторые сутки. Несколько месяцев жизнь его висела на волоске, тем не менее он выжил, его выходили в пермском госпитале. Отец был человеком большой физической силы – рассказывали, в молодости на спор зубами мешок с пшеницей с земли поднимал. Но ушел он из жизни рано – в 56 лет, фронтовые раны и контузии дали о себе знать.

Отец, мама, бабушка с моего раннего детства рассказывали о войне, о тех ужасах, что им пришлось пережить. Впечатление было столь сильным, что, когда канцлер ФРГ Конрад Аденауэр решил распространить действие законов о сроках давности на преступления фашистов, я сочинил стихи. Их даже напечатали. Начинались они, помнится, так: «*Не спрятаться под сводами законов, Которые родились век назад, Тем обер-палачам из Бонна…*» Шел мне тогда тринадцатый год.

А через год, когда я узнал, кто такие Фемида и Немизида, написал еще один стих. Он начинался более пафосно: «*Им не уйти от кары Немизиды, фашистским служкам дьявольских затей…*» Вот тогда-то, 60 лет назад, я впервые прикоснулся в своем творчестве к главному процессу человечества и юриспруденции.

Позже, уже во взрослой жизни, мне довелось много встречаться с участниками Нюрнбергского процесса, слушать их рассказы. Эти живые воспоминания как-то неразрывно слились в моем сознании с воспоминаниями моих родных в единое целое. Так что Нюрнбергским процессом «болею» давно. За это время я написал около десяти документальных произведений о Суде народов, пьесу и роман-хронику «На веки вечные». Эти книги переведены на английский, французский, немецкий и другие языки народов мира, изданы за рубежом. По моим сценариям снято около пятнадцати кинолент о Нюрнбергском процессе и один игровой телевизионный многосерийный фильм. Казалось бы, довольно, но время постоянно напоминает: растут новые поколения, необходимо, чтобы и они знали правду об этом важнейшем событии в истории всего человечества.

В представленной книге изложены самые яркие эпизоды Суда народов, приводятся ранее не публиковавшиеся материалы, свидетельства участников процесса, их родственников и очевидцев, недавно рассекреченные архивные документы. Благодаря этому удалось более полно и всесторонне взглянуть на Нюрнбергский процесс, лучше понять и отобразить мотивацию действий его участников. Появилась возможность более объективно разобраться в решениях и поступках глав государств и правительств в контексте тех далеких и нынешних событий.

Книга специально и сознательно написана так, чтобы она была понятна и интересна, в том числе и молодым читателям. В ней нет затянутых рассуждений и лобовых нравоучений, зато есть горькая правда истории.

Некоторые темы поданы под углом последних исторических исследований и вновь открывшихся фактов – они развенчивают или дезавуируют ряд распространенных западных стереотипов и мифов. Ведь время не только хоронит секреты, но иногда выдает их через многие десятилетия.

Наверное, мне повезло больше, чем предшественникам, обращавшимся к истории Нюрнбергского процесса, потому что начиная с середины семидесятых годов прошлого века мне довелось встречаться с главным обвинителем от СССР на Нюрнбергском процессе Романом Андреевичем Руденко, слушать его выступления, в том числе и воспоминания о работе трибунала, которые всегда становились предметом обсуждения и споров. Обо всем, что было связано с Нюрнбергом, о работе Руденко на процессе мне рассказывали его братья Николай Андреевич, Петр Андреевич, Антон Андреевич и другие родственники, а также ближайшие сподвижники, непосредственно работавшие под его началом в Нюрнберге. Встречи с участниками Нюрнбергского трибунала со стороны США, Великобритании, Франции, их родственниками также

весьма расширили мои представления о Суде народов. Переданные ими документы и фотографии стали ценным дополнением к фактологической составляющей книги.

Автор с Генеральным секретарем Совета Европы Т. Ягландом. Стратсбург, Совет Европы (2016)

Снимая документальные фильмы о Нюрнбергском процессе, я как руководитель проекта и автор сценария посетил десятки стран мира. Встречался с последними живыми очевидцами и участниками процесса. Беседовал с политиками и видными общественными деятелями, так называемыми отцами Отечества, людьми разных профессий и убеждений, студентами и преподавателями, научными и творческими работниками. В Париже и Буэнос-Айресе, Москве и Санкт-Петербурге, Мадриде и Пекине, Казани и Тюмени, Гаване и Риме, Екатеринбурге и Пензе, Улан-Баторе и Тиране, Брюсселе и Варшаве, Симферополе и «Артеке», Страсбурге и Ереване, Генуе и Минске, Тарсии и Мардзаботто, Баку и Санта-Анна-ди-Стаццема, Обнинске и Выксе, Йоханнесбурге и Валлетте, Калуге и Саратове, Пусане и Праге, Бангкоке и Белграде, а также в других больших и малых городах в совершено разных аудиториях я проводил интерактивные кинобеседы и встречи, которые длились зачастую часами. Видел, с каким неподдельным интересом слушатели впитывают информацию. Меня всегда радовало, что люди не оставались равнодушными, задавали острые, непростые вопросы. Значит – задело, значит – уже не забудется.

Помню, как после одной из таких встреч в 2017 г. в Волгограде, организованной Советом Европы, на которой было представлено около тридцати стран Европы и Америки, писательница, профессор, автор бестселлера «Карта культурных различий…» из США Эрин Мейер[1] сказала: «*После того что я узнала здесь, мне тяжело переосмысливать прошлое. Это все мне было неизвестно*». Встреча тогда закончилась в неформальной обстановке – задетые за живое слушатели не хотели прерывать дискуссию и не отпускали меня до двух часов ночи. Эрин Мейер, вернувшись домой, написала и отправила личное письмо генеральному секретарю Совета Европы Турбьёрну Ягланду, которое мне потом передали. В этом послании, в частности, говорилось:

[1] Автор бестселлера «Карта культурных различий. Как люди думают, руководят и добиваются целей в международной среде» / «The Culture Map: Breaking Through the Invisible Boundaries of Global Business». «Самый влиятельный мыслитель» по версии HR Magazine в 2017 г., один из самых влиятельных бизнес-мыслителей мира по версии Thinkers50 (Оскар среди менеджмента) в 2017 и 2019 гг.

«Господин Звягинцев сделал замечательную сессию-презентацию о Нюрнбергском процессе, которая состоялась в рамках программы Международного молодежного семинара „Память и уроки Второй мировой войны“, организованного Советом Европы и российскими партнерами. Его страсть и преданность своей работе были очевидны благодаря представленной подробной информации о процессе и личной связи с историей и ее участниками. Я узнала новые необычные аспекты Нюрнбергского процесса, повлекшие за собой определенные события, о которых я и не догадывалась раньше. Я благодарю господина Звягинцева за энтузиазм и преданность столь важному событию в истории»[2].

В этой связи хочется отметить, что я всегда ставил и ставлю для себя задачу писать точную и правдивую летопись событий, которые проходили в Нюрнберге в 1945–1946 гг. Нынешние и будущие политики и общественные деятели обязаны знать о них. Это знание должно стать суровым предупреждением для тех, кто хотел бы властвовать над другими народами и странами, не задумываясь о той цене, которую неминуемо приходится платить за подобные заблуждения. Вот почему нельзя забывать приговор, вынесенный в Нюрнберге.

Да, порой не такая уж бескомпромиссная мать-история взваливала реализацию решений Нюрнбергского трибунала на очень слабые плечи политиков. Поэтому и неудивительно, что коричневая гидра национал-фашизма во многих странах мира вновь подняла голову. Возникло новое масштабное зло – терроризм, быстро выросший в самостоятельную глобальную силу. С нацизмом его объединяет многое: в частности, намеренное игнорирование международного и внутреннего права, полное пренебрежение моралью, ценностью человеческой жизни. Неожиданные, непредсказуемые атаки, цинизм и жестокость, массовость жертв сеют страх и ужас даже в странах, которые, казалось бы, хорошо защищены от любой угрозы.

Деятельность Нюрнбергского Международного военного трибунала нередко называют «нюрнбергским эпилогом». В отношении казненных главарей Третьего рейха и распущенных преступных организаций эта метафора вполне оправдана. Но зло, как видим, оказалось более живучим, чем многим это представлялось тогда, после Великой Победы. Оно не кануло в небытие со смертью последних военных преступников. События наших дней, в том числе в соседних с Россией странах, это как нельзя лучше подтверждают.

Время – суровый судья. Оно абсолютно. Будучи не детерминированным поступками людей, оно не прощает неуважительного отношения к вердиктам, которые уже однажды вынесло, будь то конкретный человек или целые народы и государства. К сожалению, стрелки на циферблате его исторических часов никогда не показывают человечеству вектор движения, зато, неумолимо отсчитывая мгновения, время охотно пишет роковые письмена тем, кто пытается с ним фамильярничать.

И поэтому: чтобы не наступили темные времена, чтобы Нюрнбергские принципы восторжествовали во всем мире и были реально воплощены в жизнь, чтобы правда о Второй мировой войне, в том числе о роли СССР в разгроме гитлеровской коалиции, подготовке и проведении Нюрнбергского процесса, созидании послевоенного миропорядка была доведена до несведущих и победила как откровенную ложь, так и умышленное или неумышленное замалчивание, сделать придется еще очень много.

---

[2] Оригинальнальный текст: «Mr Zvaygincev gave a remarkable presentation on the Nuremberg Trials during the Seminar on Remembrance and Learning from WWII organised by the Council of Europe and the Russian Federation. His passion and dedication to his work were obvious with the detailed information and personal connections to the history and its participants. I learned new and fascinating aspects of the trials that brought the events to life in a way I did not know before. I am grateful for his enthusiasm and dedication to this important event in history. Erin Meyer, writer and visual artist».

Пролог

Трудно предвидеть, что бы произошло с человечеством, если бы не героические усилия Советской армии, разгромившей гитлеровские орды, в которых воевали представители едва ли не всех европейских стран.

«*В случае победы Гитлера*,– сказал мне президент Чехии Милош Земан во время интервью, которое я брал у него для фильма о Нюрнбергском процессе в 2016 г.,– *все мы говорили бы сегодня по-немецки. И это в лучшем, почти невероятном, случае. Скорее всего, мы бы умирали от голода, непосильного труда и пыток в концентрационных лагерях или были бы просто убиты. Не будь Советского Союза – даже американские генералы это признавали,– союзники проиграли бы войну с Гитлером. Нельзя ставить под сомнение решающую роль Советского Союза в победе над фашизмом*».

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ!

Вторая мировая война, развязанная в Европе фашистской Германией, а на Востоке – империалистической Японией, втянула в свою орбиту более 80 процентов населения всего земного шара. Под ружье было поставлено более 110 миллионов человек. В ней участвовало 61 государство. Прямые потери нашей страны составили около 27 миллионов человек. Большинство советских людей погибло на оккупированной территории (15 миллионов 600 тысяч), в концлагерях и на принудительных работах. Фашисты отправили в рабство почти пять миллионов наших соотечественников. К людским потерям следует добавить и то, что после войны в СССР рождаемость сократилась на 15,5 процента.

На территории СССР нацисты полностью или частично разрушили и сожгли 1710 городов, более 70 тысяч сел и деревень, свыше шести миллионов зданий, лишили крова около 25 миллионов человек. Колоссальные разрушения были нанесены промышленности, сельскому хозяйству, транспорту, медицинской и социальной сферам. В огромных масштабах расхищены культурные ценности, уничтожены исторические памятники. Разрушено 1670 православных церквей, 237 римско-католических, 532 синагоги.

Общая стоимость материальных потерь, понесенных Советским Союзом, выражается в астрономических цифрах!

С июня 1941 г., ведя освободительную войну против немецко-фашистских агрессоров, наши воины сражались с 607 дивизиями противника. Из них 500 соединений были отборными дивизиями германского вермахта. В то время как всем нашим союзникам, вместе взятым, противостояло в 3,5 раза меньше – не более 176 дивизий (и это с учетом воевавших в Северной Африке и Южной Италии).

Безвозвратные потери Советской армии при освобождении европейских стран составили около миллиона человек. А всего участвовало в освобождении 16 стран Европы около девяти миллионов советских граждан.

Вся экономика стран, покоренных Третьим рейхом, реально работала против нашего государства. Фактически мы воевали против военно-промышленного комплекса и ресурсов всей Европы. Из Франции вермахту было поставлено более 200 тысяч автомобилей, на ее заводах ремонтировались танки «Рено» и поставлялись гитлеровцам морские бомбардировщики «Дорнье». Из Чехии и Бельгии шли мощные поставки стрелкового оружия. Даже из нейтральной Швеции поставлялись в фашистскую Германию подшипники для танков и подводных лодок, а также железная руда.

Поставки шли и из США. Компания «Стандарт Ойл» снабжала Германию миллионами баррелей нефти. На Канарских островах была устроена заправочная база для немецких субма-

рин. Она же продала нацистам через посредников большую партию хлопка, из которого производили порох, а также 25 тысяч тонн взрывчатки. Американские компании продавали немцам аппаратуру спецсвязи, взрыватели к снарядам, радиолокационное оборудование и многое другое… А компания «Кока-кола», чтобы не засвечиваться, наладила производство на территории Германии нового напитка «Фанта». Красноармейцы часто находили в немецких пайках порошок, разбавив который водой, можно было получить апельсиновую газировку. Достаточно сказать, что прибыль американских корпораций во время войны выросла с шести миллиардов в 1940 г. до десяти миллиардов в 1944 г.

Хорошо отлаженный довоенный американо-немецкий бизнес приносил большие дивиденды.

Мысленно окидывая взором время, предшествующее Нюрнбергскому процессу, изучая историю, ясно видишь, что этого уникального в истории человечества процесса могло и не быть.

Идея проведения международного трибунала возникла и утвердилась в мировом сообществе далеко не сразу. Некоторые государственные деятели Запада думали расправиться с военными преступниками, не заботясь о юридической процедуре и формальностях. Например, еще в 1942 г. премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль говорил, что нацистская верхушка должна быть казнена без суда. Это мнение он не раз высказывал в дальнейшем.

Похожие идеи существовали и по другую сторону Атлантики. В марте 1943 г. госсекретарь США Корделл Халл заявил на обеде, где присутствовал и посол Великобритании в США лорд Галифакс, что предпочел бы «*расстрелять и уничтожить физически все нацистское руководство*».

Еще проще смотрели на эту проблему некоторые военные. К примеру, 10 июля 1944 г. американский генерал Дуайт Эйзенхауэр предложил расстреливать представителей вражеского руководства «при попытке к бегству».

Высказывались также мысли полностью уничтожить весь немецкий Генеральный штаб, весь личный состав СС, все руководящие звенья нацистской партии (вплоть до низовых) и т. д.

Тогдашний президент США Франклин Рузвельт не только не возражал соратникам, но фактически их поддерживал. 19 августа 1944 г. он заметил: «*Мы должны быть по-настоящему жесткими с Германией, и я имею в виду весь германский народ, а не только нацистов. Немцев нужно либо кастрировать, либо обращаться с ними таким образом, чтобы они забыли и думать о возможности появления среди них людей, которые хотели бы вернуть старые времена и снова продолжить то, что они вытворяли в прошлом*».

Такие суждения были характерны для многих американцев. По данным социологического опроса 1945 г., 67 процентов граждан США выступали за скорую внесудебную расправу над нацистскими преступниками, фактически за линчевание. Англичане также горели жаждой мести и, по замечанию одного из политиков, были в состоянии обсуждать лишь место, где поставить виселицы, и длину веревок. И, признаться, зная, что творили фашисты, их можно понять. Но руководство Советского Союза, понесшего самые тяжелые потери в войне, придерживалось иной точки зрения.

Еще в конце 1941 г. советское правительство поставило перед союзниками вопрос об ответственности германского правительства и командования за совершаемые ими преступления на территориях, временно оккупированных вермахтом.

27 апреля 1942 г. правительство СССР официально направило послам и посланникам всех стран ноту «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления». Требование о создании Международного военного трибунала содержалось и в заявлении советского правительства от 14 октября 1942 г. «Об

ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы».

2 ноября того же года указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

Комиссия собрала множество материалов, уличающих гитлеровцев в уничтожении миллионов мирных жителей, в том числе детей, женщин и стариков, в бесчеловечном обращении с военнопленными, а также в разрушении городов, сел, памятников старины и искусства, угоне в немецкое рабство миллионов людей. Это были показания свидетелей и потерпевших, документальные материалы – фотоснимки, акты экспертиз и акты эксгумации тел погибших, подлинные документы, изданные самими гитлеровцами.

В ноябре 1942 г. в Москве готовился ответ на очередную английскую дипломатическую ноту. На проекте ответа, подготовленном наркомом иностранных дел В. М. Молотовым, советский руководитель И. В. Сталин вписал фразу: «*Советское правительство приветствовало бы, если под углом зрения вышеизложенного была бы достигнута договоренность о создании теперь же, еще до окончания войны, Международного трибунала*».

В ноябре 1943 г. Сталин, Рузвельт и Черчилль подписали в Москве Декларацию об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства. В ней, в частности, отмечалось, что главные военные преступники «*будут наказаны совместным решением правительств-союзников*».

Небывалые злодеяния фашистов вызывали ярость во многих странах мира и в первую очередь в оказавшихся непосредственными жертвами фашистской агрессии и массовых злодеяний оккупантов. Люди жаждали мести и не были готовы проявить терпение, столь необходимое для организации и ведения судебных процессов по всем правилам юриспруденции.

Неудивительно, что внесудебные расправы все-таки вершились. Бойцы французского движения Сопротивления в порыве гнева казнили без суда более восьми тысяч фашистов и их пособников. И это далеко не единственный пример.

Но руководство СССР твердо настаивало на необходимости гласного и объективного суда, дабы урок истории стал еще нагляднее и поучительнее. Советскому Союзу нужен был не просто формальный, показной трибунал, который придал бы видимость законности расправе победителей над побежденными, а по-настоящему легитимный суд, решения которого опирались бы на международное право и сохранили на века незыблемый юридический и моральный авторитет. Как видим, оно оказалось гораздо дальновиднее и мудрее многих западных политиков, выступив за строгую юридическую процедуру наказания военных преступников.

Когда Черчилль пытался навязать Сталину свое мнение о бессудных расправах, тот твердо возразил: «*Что бы ни произошло, на это должно быть… соответствующее судебное решение. Иначе люди скажут, что Черчилль, Рузвельт и Сталин просто отомстили своим политическим врагам!*»

«*Мы должны сделать так*,– настаивал британский премьер на встрече со Сталиным в Кремле 9 октября 1944 г.,– *чтобы даже нашим внукам не довелось увидеть, как поверженная Германия поднимается с колен!*»

Сталин был в принципе не согласен с такой постановкой вопроса, он ответил Черчиллю так: «*Слишком жесткие меры возбудят жажду мести*».

Следует отметить, что еще в ходе войны в Советском Союзе состоялись первые в мире публичные процессы над нацистскими преступниками и их пособниками.

Первый процесс состоялся в июле 1943 г. в Краснодаре. В декабре того же года – в Харькове, где судили немецких офицеров, обвиненных в варварских казнях мирных граждан с применением «газенвагенов», или, как их называли в народе, душегубок.

Постепенно к идее суда подходили и западные союзники. В конечном счете советское руководство добилось своего. Но при этом, по мнению премьер-министра Великобритании

Черчилля, суд над главными немецкими преступниками должен был стать политическим, а не юридическим актом. Президент США Рузвельт заявлял, что процедура не должна быть слишком уж юридически строгой и при всяких условиях на суд не должны быть допущены корреспонденты и фотографы.

Справедливости ради необходимо сказать, что, наряду с циничными предложениями о трибунале как о формальном прикрытии предрешенной смертной казни, некоторые представители антигитлеровской коалиции высказывали мысль о необходимости серьезного разбирательства и справедливых вердиктов. «*Если мы просто хотим расстреливать немцев и избираем это своей политикой*,– говорил американский судья Роберт Джексон (в будущем – главный обвинитель на Нюрнбергском процессе от США),– *то пусть уж так и будет. Но тогда не прячьте это злодеяние под видом совершения правосудия. Если вы заранее решили в любом случае казнить человека, то тогда и в суде над ним нет никакой необходимости…*»

К началу 1945 года мировая война вступила в свою завершающую фазу. Красная армия уже подступала к Берлину, что естественно не могло не беспокоить наших союзников. Ибо речь уже шла о послевоенном разделе сфер влияния в Европе. И эти вопросы были обсуждены 4—11 февраля 1945 года в Крыму. Именно там состоялась вторая по счёту многосторонняя встреча лидеров трёх стран – СССР, США и Великобритании. Она прошла в Ливадийском дворце в 3 километрах от Ялты и вошла в историю как Ялтинская (Крымская) конференция союзных держав. Делегацию СССР возглавлял Иосиф Сталин, делегацию США – Франклин Рузвельт, делегацию Великобритании – Уинстон Черчилль.

Фактически на Ялтинской конференции были заложены основы современного международного права и принципы суверенного равенства всех государств, а также принципа «трёх Д» – денацификации, демилитаризации и демократизации. Конференция также определила мироустройство планеты на многие десятилетия.

«Большая тройка» в лице Сталина, Рузвельта и Черчилля в Ялте окончательно определилась с созданием новой Лиги Наций. В Тегеране, Ялте и на переговорах в Думбартон-Оксе была концептуально оформлена идея создания Организации Объединённых Наций (ООН).

Именно на этих встречах или, как их называют, «конференциях победителей» были разработаны основные принципы деятельности ООН при решении кардинальных вопросов обеспечения мира. Был отформатирован и приведен в действие «принцип единогласия великих держав» – постоянных членов Совета Безопасности, имеющих право вето.

Достигнутые в Ялте договоренности стали краеугольным камнем стабильности международной системы вплоть до развала СССР. Ялтинскую конференцию смело можно назвать прологом будущего Суда народов.

С 17 июля по 2 августа 1945 г. в Потсдаме, в непосредственной близости от Берлина прошла Потсдамская (Берлинская) конференция лидеров «большой тройки». Это была их последняя официальная встреча. В ней участвовали от СССР – И. Сталин, от США – Г. Трумэн, от Великобритании – У. Черчилль (до 25 июля) и К. Эттли (с 28 июля). Постдамская состоялась после разгрома гитлеровской Германии. На ней решались проблемы послевоенного устройства Европы. Там были приняты официальные обязательства – судить виновных. В итоговом документе отмечалось, что на ведущихся в Лондоне переговорах будет выработано согласованное мнение по этой проблеме и установлен конкретный срок начала процесса.

Не секрет, что при работе над Уставом Международного военного трибунала возникали споры. Ведь главные партнеры по антигитлеровской коалиции имели разные правовые системы (англосаксонская, континентальная и социалистическая). В каждой стране существовали свои правовые традиции, действовали существенно различающиеся, особенно в процессуальном плане, системы национального законодательства.

Несмотря на наличие существенных трудностей, юристы четырех держав-победительниц нашли взаимоприемлемые решения и сформировали уникальный процессуальный инструментарий, который оказался действенным.

8 августа 1945 г., через три месяца после Победы над фашистской Германией, правительства СССР, США, Великобритании и Франции учредили Международный военный трибунал. Он стал первым в истории цивилизации опытом осуждения преступлений государственного масштаба – правящего режима, его карательных институтов, высших политических и военных деятелей. Это решение вызвало одобрительный отклик во всем мире: надо было дать суровый урок авторам и исполнителям людоедских планов мирового господства, массового террора и убийств, зловещих идей расового превосходства, геноцида, чудовищных разрушений, ограбления огромных территорий. В дальнейшем к соглашению официально присоединились еще 19 государств, и трибунал стал с полным правом называться Судом народов.

В принятом в Лондоне Уставе Международного военного трибунала была юридически установлена ответственность тех, кто формировал, направлял и реализовывал политику войны как источника ненависти и массовых злодеяний. При этом криминализация агрессии как тягчайшего международного преступления обрела прочную международно-правовую базу.

Процесс начался 20 ноября. Важной чертой Нюрнбергского трибунала явилось обеспечение необходимых процессуальных гарантий для подсудимых. Обвиняемые имели право защищаться лично или при помощи адвоката, представлять доказательства в свою защиту, давать объяснения, допрашивать свидетелей…

В частности, подсудимым предоставили защитников из немцев, которым платили хорошие по тем временам деньги. Они располагали услугами 27 адвокатов (причем многие из них были в прошлом членами нацистской партии), защитникам помогали 54 ассистента-юриста и 67 секретарей. Подсудимые имели возможность знакомиться со всеми документами, которые представлялись на процессе, причем в переводе на немецкий язык. Все они понимали, что говорится на процессе: был организован синхронный перевод на четыре языка – английский, французский, русский и немецкий. Подсудимые могли представлять свидетелей. Причем количество свидетелей со стороны защиты подсудимых было в два раза больше, чем со стороны обвинения. В целом на защиту было потрачено в три раза больше времени, чем на обвинение. Достаточно сказать, например, что один только Геринг, которого все называли «наци № 2», выступал на процессе почти два дня.

В зале суда и на местах были допрошены сотни свидетелей, рассмотрены тысячи документов, фотографий, просмотрены документальные фильмы, кинохроника. Достоверность и убедительность этой базы не вызывали сомнений. Стенограммы Нюрнбергского процесса составили почти 40 томов, содержащих 16 тысяч страниц. Заседания записывались на магнитную пленку и диски.

Нюрнбергский процесс был гласным в самом широком смысле этого слова. Все 403 заседания были открытыми. В зал суда было выдано 60 тысяч пропусков, и часть из них получили немцы. Печать, радио, кино дали возможность миллионам людей во всем мире следить за ходом процесса. Именно для этой цели представителям средств массовой информации была отведена бóльшая часть мест в зале заседаний – 250 из 350.

Словом, Нюрнбергский процесс был действительно судом, а не политическим судилищем победителей над побежденными.

Нельзя не отметить, что советская делегация проделала огромную работу по подготовке к судебному процессу. Необходимо было привести в порядок огромное количество материалов и документов Чрезвычайной государственной комиссии. Требовалось также подготовить для использования на процессе трофейные документы, захваченные советскими войсками. С этой целью в Нюрнберг была направлена группа работников прокуратуры для отбора материа-

лов, которые могли быть использованы нашими обвинителями, а также для предварительного допроса обвиняемых и свидетелей.

Для предварительного допроса обвиняемых и свидетелей, а также для надлежащего оформления доказательств, представляемых трибуналу, в советской миссии были организованы документальная и следственная части.

Государственные обвинители от Советского Союза представляли доказательства, касающиеся преступлений, совершенных не только против СССР, но и против Чехословакии, Польши, Югославии, Греции, а также преднамеренного убийства 50 пленных офицеров британского воздушного флота, бежавших в марте 1944 г. из лагеря в Сагане (их расстреляли после поимки по прямому приказу Гитлера).

В соответствии с решением, принятым на заседании Комитета обвинителей, советские обвинители допрашивали в суде 15 из 19 подсудимых.

Немало споров между союзниками возникло при подготовке приговора. Примером может служить дискуссия по вопросу об отношении трибунала к общему плану или заговору руководителей Германии.

Представитель Франции А. Д. де Вабр и его заместитель Р. Фалько не находили признаков ни того ни другого. К такой же оценке склонялся американский судья Ф. Биддл, считавший, что до Нюрнбергского процесса понятия «заговор» в международном праве не было.

Представители СССР приводили довод за доводом в пользу того, что общий план, или заговор, реально существовал, вызвал тяжелейшие последствия и ему нужно дать соответствующую оценку. Англичанин Н. Биркетт занимал такую же позицию и доказывал, что признание наличия общего плана, или заговора, является принципиальным для трибунала, иначе процесс над нацизмом, нацистской партией и государством превратится в суд над горсткой конкретных персон.

В результате был достигнут компромисс. Трибунал признал наличие общего плана, или заговора, в подготовке и развязывании агрессивных войн, но не в совершении военных преступлений и преступлений против человечности.

Приговоры отдельным осужденным также рождались в столкновении мнений. В некоторых работах отмечается жесткость советских судей, которые якобы выступали за повешение всех. На самом деле смертной казни для всех требовал главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко, однако советские судьи были немного другого мнения, они более дифференцированно подходили к назначению наказания подсудимым.

Суд не был скорой расправой над поверженным врагом.

«*Сразу после войны люди скептически относились к Нюрнбергскому процессу (имеются в виду немцы),*– сказал мне летом 2005 г. заместитель председателя Верховного суда Баварии господин Эвальд Бершмидт, давая мне интервью во время съемок фильма „Нюрнбергский набат“. – *Это все-таки был суд победителей над побежденными. Немцы ожидали мести, но необязательно торжества справедливости. Однако уроки процесса оказались другими. Судьи тщательно рассматривали все обстоятельства дела, они доискивались правды. К смертной казни приговорили виновных. Те, чья вина была меньше, получили другие наказания. Кое-кто даже был оправдан. Нюрнбергский процесс стал прецедентом международного права. Его главным уроком явилось равенство перед законом для всех – и для генералов, и для политиков*».

Главный государственный обвинитель от СССР Роман Андреевич Руденко во время выступления на Международном военном трибунале над бывшими руководителями гитлеровской Германии в городе Нюрнберге. (Фото Виктора Кинеловского.)

30 сентября – 1 октября 1946 г. Суд народов вынес свой приговор. Обвиняемые были признаны виновными в тяжких преступлениях против мира и человечества. Двенадцать из них трибунал приговорил к смертной казни через повешение. Другим предстояло отбыть пожизненное заключение или длительные сроки в тюрьме. Трое были оправданы.

Были объявлены преступными главные звенья государственно-политической машины, доведенные фашистами до дьявольского идеала. Однако правительство, верховное командование, Генштаб и штурмовые отряды (СА), вопреки мнению советских представителей, таковыми признаны не были.

Член Международного военного трибунала от СССР И. Т. Никитченко с этим изъятием (кроме СА), как и с оправданием троих обвиняемых, не согласился. Он также оценил как мягкий приговор о пожизненном заключении Гесса. Советский судья изложил свои возражения в Особом мнении. Оно было оглашено в суде и составляет часть приговора.

Нюрнбергский процесс приобрел всемирно-историческое значение как первое и по сей день крупнейшее правовое деяние объединенных наций.

Создание Международного военного трибунала, учрежденного для суда в Нюрнберге над главарями нацистской Германии, а также Организации Объединенных Наций, международной организации, призванной способствовать обеспечению мира, безопасности и развитию сотрудничества между государствами, безусловно, эпохальные события, заложившие фундамент послевоенного мироустройства. Было наглядно продемонстрировано, что страны даже с весьма и весьма различными идеологиями и государственно-правовым устройством могут объединяться на основе наиболее фундаментальных, общечеловеческих принципов права для защиты основополагающих интересов мирового сообщества.

СССР сыграл огромную роль в создании, а представители нашей страны внесли весомый вклад в работу Нюрнбергского трибунала.

Во-первых, сама идея его учреждения изначально принадлежала Советскому Союзу. И руководству нашей страны удалось реализовать ее, несмотря на сопротивление, как видим, в самом начале войны со стороны союзников по антигитлеровской коалиции.

Во-вторых, советские дипломаты и юристы провели большую работу по заключению союзниками в 1945 г. Соглашения о судебном преследовании главных военных преступников, на основе которого был создан и работал Международный военный трибунал в Нюрнберге.

В-третьих, советская делегация провела большую и многотрудную работу в период подготовки судебного процесса и его проведения, очень много сделала для разоблачения преступной деятельности главных военных преступников и поддержания обвинения во время работы Нюрнбергского трибунала, а также вынесения приговора.

Передача копий документов в Документационный центр. Нюрнберг, 2014 г. Слева – президент Нюрнбергского Верховного суда Петер Кюсперт, справа – его заместитель Эвальд Бершмидт. (Фото из личного архива автора.)

Нюрнбергский процесс оказал большое влияние на развитие международного законодательства. После процесса началась новая эра, оказавшая важное влияние на все сферы жизни и международной законности. Суд народов заложил хороший мощный фундамент для последующего принятия основополагающих правовых документов, которые определили послевоенное мироустройство.

Казалось, перед всеми странами открылись перспективы коллективного и мирного решения проблем для мирного будущего без войн и насилия.

Но, к сожалению, человечество слишком быстро забывает уроки прошлого. Вскоре после известной Фултонской речи Уинстона Черчилля, несмотря на убедительные коллективные действия в Нюрнберге, державы-победительницы разделились на военно-политические блоки, и работу Организации Объединенных Наций осложнило политическое противоборство. Тень холодной войны на долгие десятилетия опустилась над миром.

В этих условиях активизировались силы, желающие пересмотреть итоги Второй мировой войны, принизить и даже свести к нулю главенствующую роль Советского Союза в разгроме фашизма, поставить знак равенства между Германией, страной-агрессором, и СССР, который вел справедливую войну и ценой огромных жертв спас мир от ужасов нацизма.

Конечно, позитивная роль ООН в деле послевоенного мира и сотрудничества присутствует, и она абсолютно бесспорна. Но несомненно и то, что эта роль могла бы быть гораздо весомее.

К счастью, глобального столкновения после Нюрнберга не состоялось, но военные блоки нередко балансировали на весьма острой грани. Локальным конфликтам не было конца. Вспыхивали малые войны с немалыми жертвами, а в некоторых местах планеты возникали и утверждались террористические режимы.

Приходится констатировать, что рецидивы прошлого в разных уголках планеты гулким эхом звучат все чаще и чаще. Мы живем в неспокойном и нестабильном мире, год от года все более хрупком и уязвимом. Противоречия между развитыми и остальными странами становятся все острее. Появились глубокие трещины по границам культур, цивилизаций.

В своей самой опасной – международной – разновидности развязывание новых конфликтов направлено против всей цивилизации. Сегодня это явление представляет серьезную угрозу, и нужно новое, твердое, справедливое слово в борьбе со злом, подобное тому, которое сказал в 1946 г. германскому фашизму Международный военный трибунал в Нюрнберге.

Успешный опыт противостояния агрессии во время Второй мировой войны актуален по сей день. Многие подходы применимы без изменений, другие нуждаются в переосмыслении, развитии. Впрочем, выводы вы можете сделать сами.

Никто сегодня не может утверждать, что свобода и демократия утвердились в мире окончательно и бесповоротно. В этой связи напрашивается вопрос: сколько и каких усилий требуется предпринять человечеству, чтобы из опыта Нюрнбергского процесса были сделаны конкретные выводы, которые воплотились бы в добрые дела и стали прологом к созданию миропорядка без войн и насилия, основанного на реальном невмешательстве во внутренние дела других государств и народов, а также на уважении прав личности?

Часть I
За кулисами трибунала

Глава 1. Почему Нюрнберг?

Поначалу никто не думал о том, что место заседаний Международного военного трибунала должно быть символичным. Советская сторона настаивала на проведении суда в Берлине, американцы называли Мюнхен. Выбор Нюрнберга определился тем, что находящийся там Дворец правосудия во время боевых действий почти не пострадал. Большим преимуществом его оказалось то, что в одном крыле здания была тюрьма и отпадала нужда в перевозках обвиняемых.

В дальнейшем, с подачи главного обвинителя от США Роберта Х. Джексона, все начали говорить о персте рока при выборе места для суда над главарями нацистов. Нюрнбергский адрес даже считали определенного рода возмездием – ведь гитлеровским преступникам пришлось познать крах надежд на мировое господство и предстать перед судом в городе, который был для них своеобразной столицей фашистской империи, где они утверждали, что нет иных законов, кроме тех, что установили сами.

Нюрнберг – старинный город, ему без малого тысяча лет.

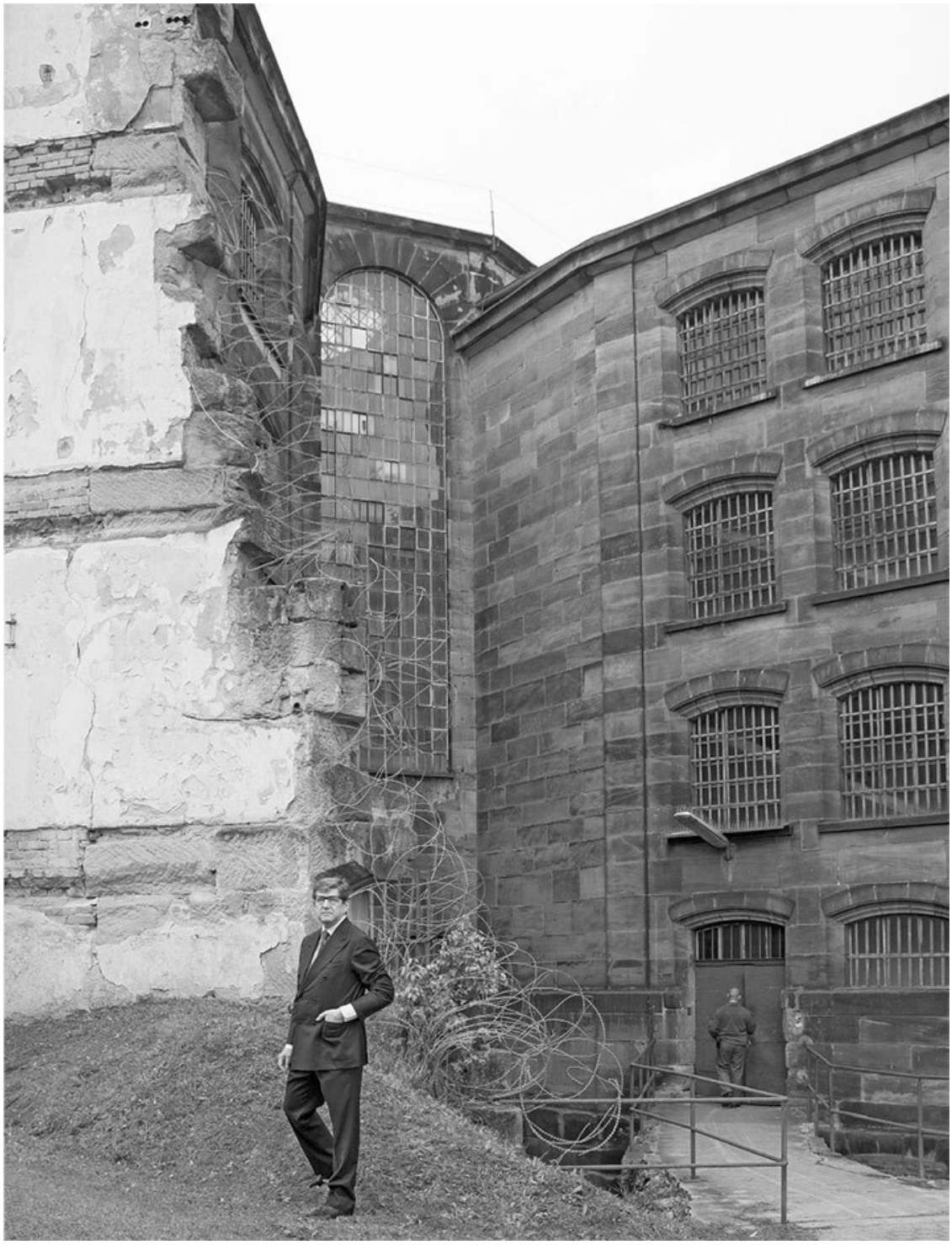
В 1356 г. Карл IV провозгласил, что каждый новый император Священной Римской империи германской нации должен собирать свой первый имперский рейхстаг только здесь. Закономерно, что в 1930-е гг. XX в. Нюрнберг стал партийной столицей нацистов.

Здесь нацисты устраивали съезды и манифестации. Гитлер выполнил предписание Золотой буллы, изданной Карлом IV: свой первый партийный съезд после прихода к власти он провел в Нюрнберге. Целям нацистских сборищ служили прежде всего Конгрессхалле – Дворец съездов и Цеппелиновы поля – самая широкая в мире дорога для парадов.

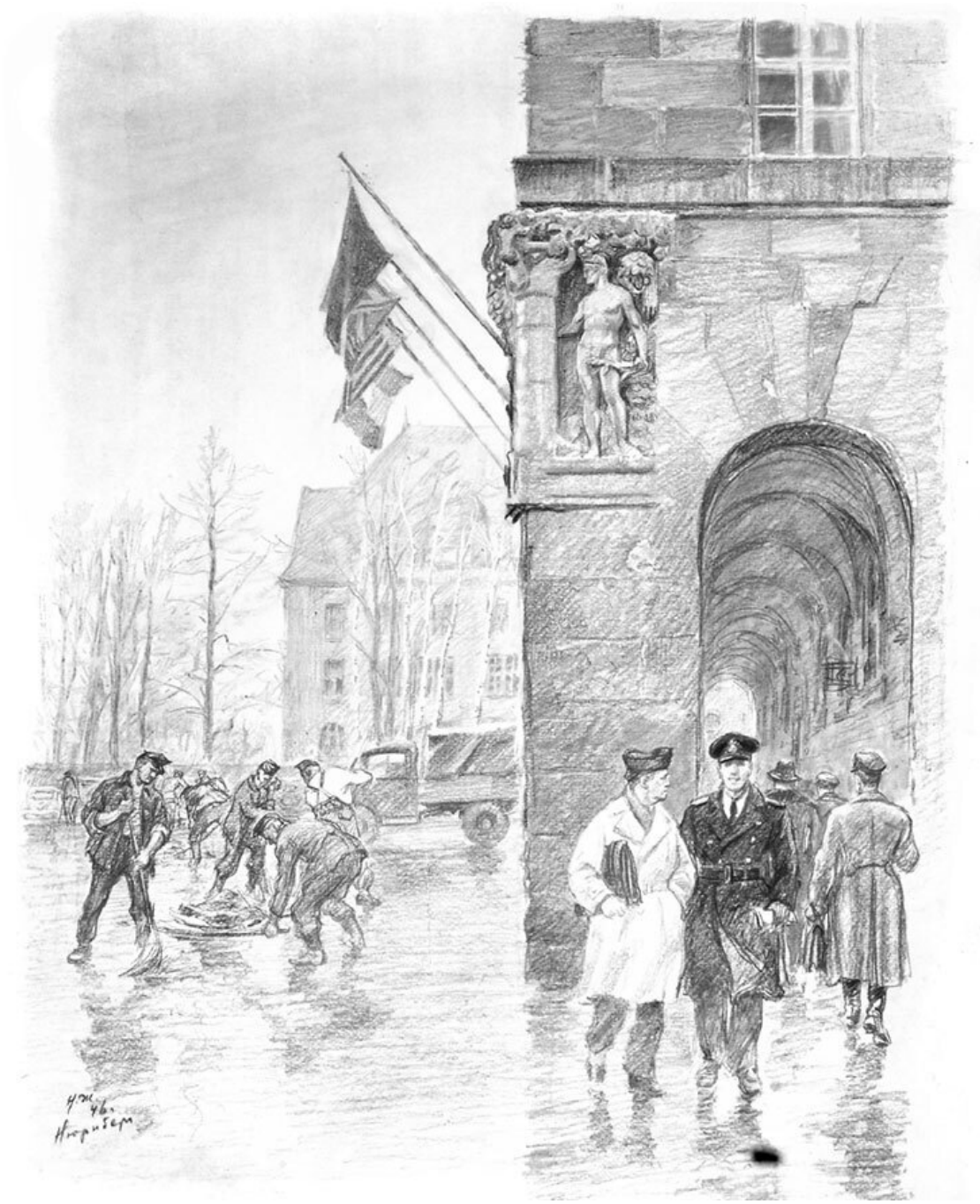
Вот как описывает одно из мест массовых нацистских акций Аркадий Полторак, работавший в секретариате Нюрнбергского процесса: *«Огромный стадион с трибунами из серого камня. Господствуя над всем, высилась махина центральной трибуны с множеством ступеней и скамей, с черными чашами на крыльях, где в дни фашистских сборищ горел огонь. Словно рассекая эту махину пополам, снизу вверх проходит широкая темно-синяя стрела, указывающая своим острием, где следует искать Гитлера. Отсюда он взирал на марширующие войска и штурмовые отряды. Отсюда под рев осатанелой толпы призывал их к разрушениям чужих очагов, к захватам чужих земель, к кровопролитиям.*

В такие дни город содрогался от топота тысяч кованых сапог. А вечерами вспыхивал, как гигантский костер. Дым от факелов застилал небо. Колонны факельщиков с дикими возгласами и визгом проходили по улицам.

Теперь огромный стадион был пуст. Лишь на центральной трибуне стояло несколько дам в темных очках – очевидно, американских туристок. Они по очереди влезали на место Гитлера и, щелкая фотоаппаратами, снимали друг друга».



Автор на месте разрушенной тюрьмы, в которой находились нацистские преступники в 1945–1946 гг. во время Нюрнбергского трибунала, 2013 г. (Фото из личного архива автора.)



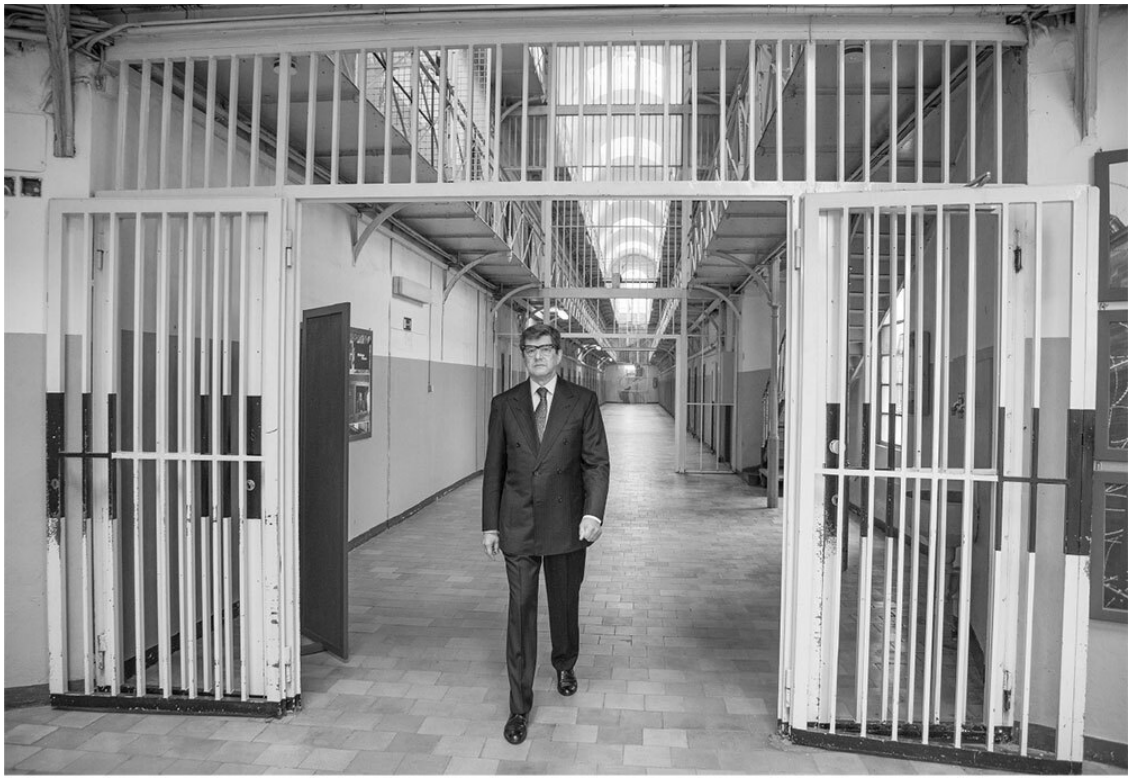
Жуков Н. Н. Рисунок «У здания трибунала (Нюрнберг, 1946 г.)»

Этот же автор оставил нам подробное описание здания суда: *«На одной из улиц Нюрнберга – широкой и прямой Фюрштрассе – остался почти невредимым целый квартал зданий, и среди них за безвкусной каменной оградой с овальными выемками, с большими двойными чугунными воротами – массивное четырехэтажное здание с пышным названием Дворец юстиции. Первый его этаж без окон представляет собой крытую галерею со сводами, опирающуюся на короткие, круглые, тяжелые, как бы вросшие в землю колонны. Выше – два этажа, оформленные гладким фасадом. А на четвертом этаже в нишах – статуи каких-то деятелей Германской империи. Над входом – четыре больших лепных щита с различными эмблемами.*

Редкая полоска деревьев с внутренней стороны ограды отделяет здание от улицы.

Если присмотреться внимательно, то и здесь видны следы войны. На многих колоннах выщерблен камень не то очередью крупнокалиберного пулемета, не то осколками снарядов.

Пусты некоторые ниши на четвертом этаже, очевидно, освобожденные от статуй внезапным ударом взрывной волны.



Автор в тюрьме Дворца правосудия Нюрнберга, 2013 г. (Фото из личного архива автора.)

Рядом с Дворцом юстиции – соединенное с ним переходом другое административное здание. А со двора перпендикулярно внутреннему фасаду вплотную к Дворцу примыкает длинный четырехэтажный тюремный корпус. Тюрьма как тюрьма. Как все тюрьмы мира. Гладкие оштукатуренные стены и маленькие зарешеченные окна, налепленные рядами почти вплотную одно к другому».

Побывав более чем через 50 лет во Дворце юстиции, автор этой книги уже не увидел следов войны, о которых писал Аркадий Полторак. Зато отметил для себя, что весь комплекс находится в отличном состоянии, а зал, в котором некогда вершился Суд народов, стал более торжественным и гармоничным благодаря большим люстрам, свисающим с потолка. Они были в здании изначально, но, чтобы придать залу большей строгости, перед процессом вместо них повесили обыкновенные светильники.

Прилетевшие в первый раз в Нюрнберг 17 августа 1945 г. Р. Х. Джексон, И. Т. Никитченко, Х. Шоукросс, А. Гро застали город, в котором еще не действовали водопровод, канализация, не было электричества, не работали транспорт и связь. Но Дворец правосудия был почти готов к работе трибунала, и можно было начинать предварительное следствие.

Глава 2. Суд еще не открылся, но уже заседает…

Поскольку судебное действие такого масштаба происходило впервые в мире, нужно было решить множество как стратегических, так и организационных проблем. Для этого еще до начала судебного процесса прошло несколько организационных заседаний Международного военного трибунала. Эти заседания проходили не в Нюрнберге, а в Берлине, в здании четырехстороннего Контрольного совета по Германии. Был обсужден и принят Регламент трибунала, рассмотрены текущие вопросы, в том числе о форме одежды судей, порядке их размещения в зале суда, об организации переводов, приглашении защитников, создании секретариата трибунала, о присяге для членов трибунала и работников секретариата.

В разбомбленном городе нелегко было разместить делегации союзников. Если из Великобритании, Франции и СССР ожидались группы в 20–25 человек, то США заявили о приезде 600 представителей, которые хотели жить с комфортом. Пожелания в основном были выполнены. главный обвинитель от США Р. Х. Джексон поселился в огромном особняке с теннисным кортом и музыкальной гостиной, в которой стоял концертный рояль. За столом во время обеда могли разместиться 20–25 человек. Ездил этот американец на бронированном лимузине Гитлера и шикарном «Мерседесе» Риббентропа.

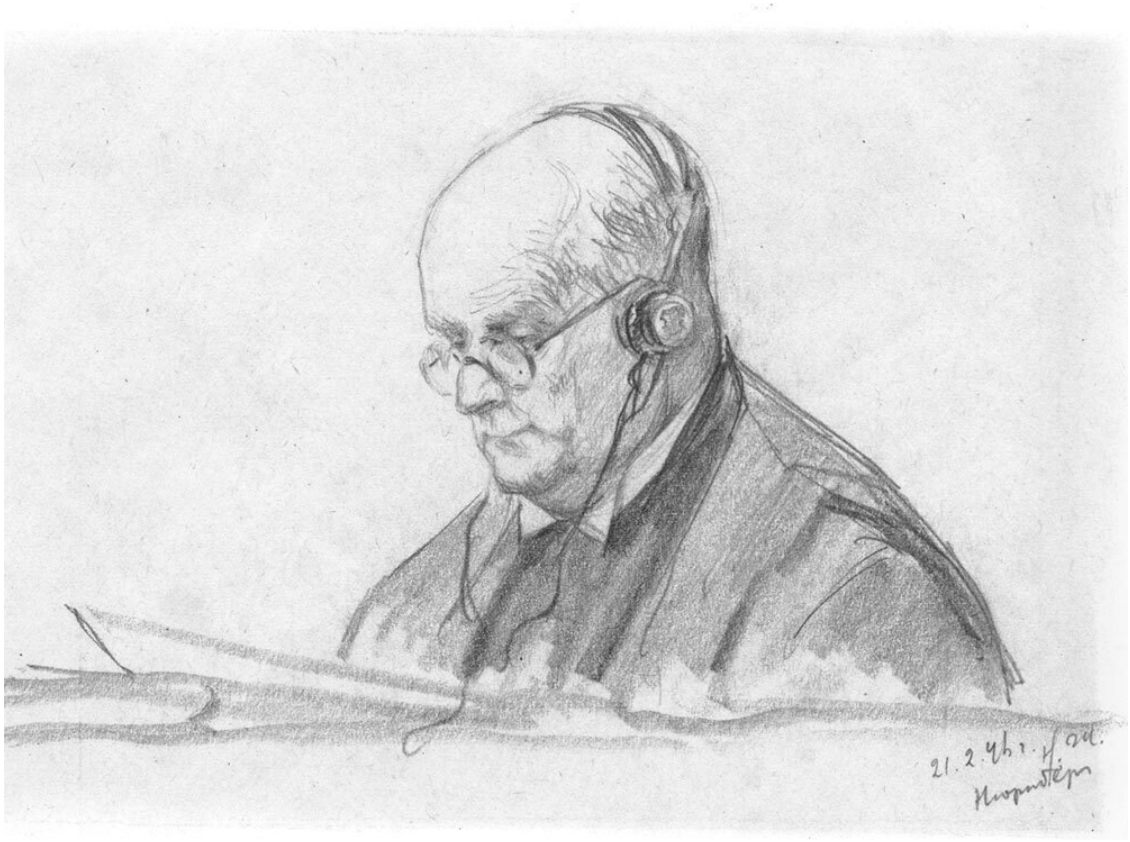
Больших и малых проблем, требующих решения, было очень много. То вдруг всплыл факт, что во Дворце правосудия нет кафетерия, то обнаружилось, что мало переводчиков и что обвинители присутствуют не в полном составе…

Конечно, важнее всего были юридические вопросы, например разногласия по списку обвиняемых. Советская сторона настаивала на публикации его к 1 сентября 1945 г., однако споры продолжались вплоть до начала суда. Англичане, например, были против включения в список преступных организаций Генерального штаба фашистской Германии. Все решило голосование: англичан никто не поддержал. Шли дискуссии также по статьям обвинения.

Споры о форме и содержании обвинительного акта продолжались все лето 1945 г. 10 октября представители обвинения от США, Великобритании и Франции готовы были предоставить трибуналу свой вариант обвинительного акта. Прибывший в Германию 12 октября главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко нашел в тексте ошибки в формулировках, ряд других недостатков и настоял на доработке. Союзники не скрывали раздражения. Ходили слухи, что советские представители затягивают процесс, согласовывая в Кремле каждую запятую.

Первое организационное заседание состоялось 9 октября 1945 г. Было принято решение создать временный Секретариат трибунала. Временно генеральным секретарем назначили секретаря американской делегации Гарольда Вилли, который, однако, вскоре был заменен бригадным генералом армии США Уильямом Митчеллом.

На организационных заседаниях до начала процесса члены трибунала председательствовали поочередно. Исключение было сделано для открытого организационного (распорядительного) заседания, на котором принималось обвинительное заключение от Комитета обвинителей. Председательствующим на этом заседании был избран член трибунала от СССР генерал-майор И. Т. Никитченко.



Жуков Н. Н. Рисунок «Председатель трибунала лорд Лоуренс»

Председательствующим для ведения самого процесса в Нюрнберге был избран член трибунала от Великобритании лорд-судья Джеффри Лоуренс. Решением от 17 октября Международный военный трибунал уполномочил лорда Лоуренса подписывать все официальные распоряжения и приказы.

18 октября 1945 г. в Берлине состоялось открытое организационное (распорядительное) заседание трибунала. На нем присутствовали: главный обвинитель от Советского Союза Р. А. Руденко, главный обвинитель от Великобритании Хартли Шоукросс, главного обвинителя от США Роберта Джексона замещал его помощник Шиа, главного обвинителя от Франции Франсуа де Ментона представлял его помощник Дюбост.

Все члены трибунала поочередно приняли присягу, торжественно заявив о том, что будут выполнять свои обязанности честно, объективно и добросовестно.

Заседание открыл член трибунала от Советского Союза генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко. Затем главный обвинитель от Советского Союза Р. А. Руденко вручил суду текст обвинительного заключения на русском языке, а представители обвинения от Франции, Великобритании и США вручили тексты на французском и английском языках. После этого председательствующий И. Т. Никитченко сделал заявление:

«Обвинительный акт, представленный Комитетом главных обвинителей, рассматривает преступления следующих обвиняемых: Германа Вильгельма Геринга, Рудольфа Гесса, Иоахима фон Риббентропа, Роберта Лея, Вильгельма Кейтеля, Эрнста Кальтенбруннера, Альфреда Розенберга, Ганса Франка, Вильгельма Фрика, Юлиуса Штрейхера, Вальтера Функа, Гельмара (Яльмара) Шахта, Густава Круппа фон Болен унд Гальбах, Карла Деница, Эриха Редера, Бальдура фон Шираха, Фрица Заукеля, Альфреда Йодля, Мартина Бормана, Франца фон Папена, Артура Зейсс-Инкварта, Альберта Шпеера, Константина фон Нейрата и Ганса Фриче – индивидуально и как членов любой из следующих групп или организаций, к которым они соответственно принадлежали, а именно: правительственный кабинет, руково-

дящий состав национал-социалистской партии, охранные отряды германской национал-социалистской партии (СС), включая группы службы безопасности (СД), государственная тайная полиция (гестапо), штурмовые отряды германской национал-социалистской партии (СА), Генеральный штаб и высшее командование германскими вооруженными силами – всех, как изложено в приложении „В".

Согласно статьям 16 и 23 Устава Международного военного трибунала, обвиняемые могут осуществлять свою защиту сами или же избрать себе защитника из числа адвокатов, имеющих право выполнять свои обязанности перед судом в своей собственной стране, или же через специального защитника, назначенного военным трибуналом. Выделяется специальный секретарь трибунала, на которого возлагается обязанность довести до сведения обвиняемых их права. Если кто-либо из обвиняемых пожелает иметь защитника, который не в состоянии выполнять свои обязанности, то трибунал назначит ему защитника.

Обвинительное заключение будет вручено обвиняемым сегодня.

Международный военный трибунал назначит дату суда в Нюрнберге не позднее чем через 30 дней после вручения обвинительного заключения.

Обвинительное заключение будет опубликовано одновременно в Лондоне, Москве, Вашингтоне и Париже не раньше 20 часов по гринвичскому времени в четверг, 18 октября сего года».

На этом заседание трибунала было закрыто.

В дальнейшем, с началом работы процесса, нужда в организационных заседаниях не отпала, и они проводились регулярно. Обычно это происходило по окончании дневных судебных заседаний, а также при необходимости в перерывах между судебными заседаниями. Стенограмма заседаний не велась. В соответствии с п. «с» ст. 4 Устава решения трибунала, за исключением решений о виновности и мере наказания, принимались большинством голосов. Голос председательствующего при обсуждении спорных вопросов являлся решающим.

Несмотря на то что решения трибунала иногда были непоследовательны и противоречивы, требования Устава в целом выдерживались. Свою роль в этом сыграли и организационные заседания.

…Час открытия Нюрнбергского процесса приближался.

Отдадим же дань памяти и уважения тем, кто справедливо и строго вершил правосудие над нацистскими преступниками.

СОСТАВ ТРИБУНАЛА:

Член трибунала от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, председатель – лорд-судья Джеффри Лоуренс.

Заместитель члена трибунала от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии – судья Норман Биркетт.

Член трибунала от Союза Советских Социалистических Республик – генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко.

Заместитель члена трибунала от Союза Советских Социалистических Республик – подполковник юстиции А. Ф. Волчков.

Член трибунала от Соединенных Штатов Америки – Фрэнсис Биддл.

Заместитель члена трибунала от Соединенных Штатов Америки – Джон Дж. Паркер.

Член трибунала от Французской Республики – Анри Донедье де Вабр.

Заместитель члена трибунала от Французской Республики – Робер Фалько.

СЕКРЕТАРИАТ:

Генеральный секретарь – бригадный генерал Уильям И. Митчелл (с 6 ноября 1945 г. до 24 июня 1946 г.), полковник Джон Е. Рей (с 24 июня 1946 г.).

Секретарь делегации СССР – майор А. И. Полторак, В. Я. Коломацин (с февраля 1946 г.).

Секретарь делегации США – Гарольд Вилли (с 6 ноября 1945 г. до 11 июля 1946 г.), Вальтер Гилкисон (с 16 июня 1946 г.).

Секретарь делегации Великобритании – И.-Д. Мак-Иллрейт.

Секретарь делегации Франции – А. Мартен-Авар.

ОБВИНИТЕЛИ

ОТ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК:

Главный обвинитель – Р. А. Руденко, государственный советник юстиции 2-го класса (генерал-лейтенант).

Заместитель главного обвинителя – полковник юстиции Ю. В. Покровский.

Помощники главного обвинителя – государственный советник юстиции 3-го класса (генерал-майор) Н. Д. Зоря, полковник юстиции Д. С. Карев, государственный советник юстиции 2-го класса (генерал-лейтенант) М. Ю. Рагинский, старший советник юстиции (полковник) Л. Н. Смирнов, государственный советник юстиции 2-го класса (генерал-лейтенант) Л. Р. Шейнин.

Следственная часть – государственный советник юстиции 3-го класса (генерал-майор) Г. Н. Александров, полковник юстиции С. Я. Розенблит, старший советник юстиции (полковник) Н. А. Орлов, подполковник юстиции С. К. Пирадов.

ОТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ:

Главный обвинитель – судья Роберт Х. Джексон.

Заместители главного обвинителя – полковник Роберт Стори, г-н Томас Додд, г-н Сидней Олдерман, бригадный генерал Телфорд Тэйлор, полковник Джон Харлан Эймен[3], г-н Ральф Альбрехт.

Помощники главного обвинителя – полковник Леонар Уилер, подполковник Уильям Болдуин, подполковник Смит Брокхарт, командор Джеймс Бритт Донован, майор Фрэнк Уоллис, майор Уильям Уолш, майор Уоррен Фарр, капитан Сэмуэл Гаррис, капитан Дрексел Шпрехер, капитан-лейтенант Уитней Харрис, лейтенант Томас Ламберт, лейтенант Генри Аттертон, лейтенант Брэди О. Брайсон, лейтенант Бернард Д. Мельтцер, доктор Роберт Кемпнер, г-н Вальтер Брудно.

ОТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ:

Главный обвинитель – генеральный прокурор Хартли Шоукросс.

Заместитель главного обвинителя – королевский адвокат, член парламента сэр Дэвид Максуэлл-Файф.

Главный консультант – помощник главного обвинителя – королевский адвокат Джеффри Робертс.

Помощники главного обвинителя – подполковник Дж. М. Дж. Гриф-фит-Джонс, полковник Г.-Дж. Филлимор, майор, член парламента Ф. Элвин Джонс, майор Дж. Харкурт Баррингтон.

ОТ ФРАНЦИИ:

Главный обвинитель – министр юстиции г-н Франсуа де Ментон (до января 1946 г.), г-н Огюст Шампетье де Риб (с января 1946 г.).

Заместители главного обвинителя – г-н Шарль Дюбост, г-н Эдгар Фор.

Помощники главного обвинителя, начальники отделов – г-н Пьер Мунье, г-н Шарль Жертоффер, г-н Дельфин Дебене.

Помощники главного обвинителя – г-н Жак В. Герцог, г-н Генри Дельпеш, г-н Серж Фюстер, г-н Констан Катр, г-н Генри Моннереи.

---

[3] Являлся начальником следственной части.– *Прим. авт.*

Глава 3. Вся бездна нацистского зла

Адольф Гитлер, «наци № 1», ушел от суда человечества – совершил самоубийство в обреченном Берлине 30 апреля 1945 г. За ним покончил с собой министр народного просвещения и пропаганды Геббельс, предварительно вместе с женой отравивший шестерых своих детей. В британском плену свел счеты с жизнью Гиммлер. Военный врач не успел извлечь изо рта рейхсфюрера обнаруженную ампулу с ядом и через 12 минут констатировал смерть. Таинственно исчез соратник фюрера Борман. Только спустя многие годы выяснилось, что он был убит на улице во время бегства из имперской канцелярии.

Но и арестованных заправил Германии было немало. Были схвачены главный адмирал флота Дёниц, в последние дни перед крахом назначенный Гитлером главой Третьего рейха, фельдмаршал Кейтель – начальник штаба Верховного главнокомандования, Риббентроп – министр иностранных дел, Штрейхер – «специалист по еврейскому вопросу» и другие фигуры из высших эшелонов власти.

Совсем недавно, после рассекречивания очередных документов, касающихся Второй мировой войны, выяснилась интересная деталь, что во время подписания Акта о капитуляции фельдмаршал Кейтель *«дважды подчеркивал – в беседе с некоторыми представителями советской делегации – что во время этой войны только русский и немецкий народы, показав свою силу и способность, претерпели большие страдания, в то время как англичане и американцы от войны почти совсем не пострадали».* Об этом сообщал в Центр наш разведчик 10 мая 1945 г. в своей шифртелеграмме.

Кто-то из арестованных некоторое время пребывал в растерянности и рассчитывал если не на полную безнаказанность, то на особое к себе отношение. Рейхсмаршал Геринг, задержанный 9 мая 1945 г. американскими военными, настаивал на встрече с командующим оккупационными войсками США Д. Эйзенхауэром и был удивлен, что генерал на его просьбу не отреагировал.

Рейхсфюрер СС Гиммлер при аресте 21 мая 1945 г. сразу назвал британцам свою фамилию, ожидая, видимо, почетных условий. Однако арестовали его отнюдь не британцы, как сообщается об этом во многих зарубежных источниках информации. Задержан он был у местечка Мойнштадт в 19 часов красноармейцами Губаревым Василием Ильичем и Сидоровым Иваном Егоровичем, которые входили в состав английского патруля под командованием капрала Морриса. Гиммлер был *«в гражданском платье с черной повязкой на правом глазу и со сбритыми усами»*.

Советские военнослужащие задержали Гиммлера по собственной инициативе, когда капрал вместе с английскими солдатами пошел пить кофе. Увидев за деревней трех подозрительных немцев, пытавшихся незамеченными перейти дорогу, двое красноармейцев не только задержали их, но и настояли на том, чтобы доставить указанных лиц в лагерь для проверки. Хотя капрал Моррис, будучи старшим патруля, решил немцев отпустить, удовлетворившись предъявленными документами на другие фамилии и заявлениями, что они якобы больны и идут из лазарета, Губарев и Сидоров, тем не менее, вместе с двумя английскими солдатами отконвоировали задержанных «до гауптвахты в Задорф». Как потом выяснилось одним из задержанных оказался Гиммлер. Попав в лагерь к англичанам, Гиммлер через два дня покончил жизнь самоубийством.

Сначала нацистские вожди содержались в американской тюрьме в селении Мондорф, на границе с Люксембургом, затем, 12 августа 1945 г., на двух транспортных самолетах их доставили в Нюрнберг.

Арестантский быт в Мондорфе все же не был тяжким. Но, оказавшись в классической тюрьме, нацисты узнали на собственном опыте, что значит лишиться прав и свобод и испы-

тывать презрение окружающих в ожидании суда и приговора, который мягким быть не мог. Риббентроп похудел и стал похож на узника концлагеря, Кейтель потерял в весе 15 килограммов, на прежде непомерно тучном Геринге кожа повисла складками…

Никто не собирался создавать для высокопоставленных арестантов комфортные условия, и престарелый Кейтель считал издевательством, что его вынуждают сидеть на табурете, а не на стуле со спинкой. Рацион был скудным, контакты с миром ограниченны.

В одиночной камере тюремного блока Дворца юстиции, площадь которой составляла около 11 квадратных метров, на высоте среднего человеческого роста имелось окно, выходящее в тюремный двор. Окошечко в дверях было постоянно открытым – через него передавалась еда и осуществлялось наблюдение. В углу камеры был туалет, из мебели – кровать, жесткое кресло и стол. Разрешалось класть на стол семейные фотографии, бумагу, карандаши, табак и туалетные принадлежности. Остальное изымалось.

Ложиться на койку арестованный обязан был так, чтобы его голова и руки всегда оставались на виду. Нарушителя сразу будили. Ежедневный туалет (бритье безопасной бритвой) совершал проверенный парикмахер из военнопленных под наблюдением охраны.

Камеры освещались снаружи для исключения возможности самоубийства электрическим током. Орудием смерти могли стать осколки стекла, поэтому в окнах были одни решетки без стекол, и по помещениям гуляли сквозняки. Очки арестованным выдавали только на определенное время, на ночь не оставляли ни в коем случае.

Тщательные обыски проводили один-два раза в неделю. В банный день, полагающийся раз в неделю, заключенные предварительно проходили осмотр в специальном помещении.

Начальник тюрьмы, американский полковник Эндрюс, специально объявил, что жалобы на эти строгие и унизительные меры приниматься не будут: *«…Все протесты против условий вашего здесь содержания являются не только необоснованными, но и неправомерными. Ваше представление о собственном статусе ошибочно – вы не являетесь ни пленными офицерами, ни военнопленными. Вы представляете немногочисленную группу людей, которые… относились к международным договорам как к никчемной „макулатуре“ и полагали, что их можно использовать лишь для собственной выгоды и безнаказанно нарушать, когда дело касалось народов „неарийской расы“…»*

Маршал Георгий Константинович Жуков (слева) и генерал армии Дуайт Дэвид Эйзенхауэр во время исполнения национальных гимнов СССР и США на церемонии встречи Эйзенхауэра в Москве. 11 августа 1945 г.

Тюремные условия становились все более жесткими. Во избежание попыток суицида были приняты дополнительные меры: вместо столов использовались картонные коробки, к окну разрешалось подходить не ближе чем на метр. Стулья в камеры ставили только днем, на ночь их изымали. Если арестованный пользовался расческой, карандашом или очками, то при этом обязательно присутствовал надзиратель.

19 октября 1945 г. каждому арестованному вручили под расписку обвинительный акт. Это был этапный момент, после которого все находившиеся под стражей перешли из категории интернированных в категорию обвиняемых. Тяжесть и масштаб инкриминируемых деяний произвели на бывших руководителей Германии сильное впечатление. Несмотря на все предосторожности, принятые в тюрьме, одному из обвиняемых, Роберту Лею, все-таки удалось покончить жизнь самоубийством.

Итак…

Глава 4. Они все сказали – нет!

Первое судебное заседание Международного военного трибунала по делу главных немецких военных преступников было открыто 20 ноября 1945 г. в полдень по московскому времени (в 10 часов утра по центральноевропейскому времени) под председательством лорда-судьи Лоуренса.

За день до этого его (заседание) пытались отложить. Виной тому была телеграмма из Москвы (она пришла 19 ноября). В ней сообщалось, что главный обвинитель от Советского Союза Р. А. Руденко заболел, а потому необходимо отложить начало процесса. На совещании требование советской делегации поддержали французы, задетые отказом трибунала внести в список обвиняемых промышленника Альфреда Круппа. Заместитель главного обвинителя от Франции Дюбост даже пригрозил, что Франция возьмет самоотвод, если процесс начнется без советского обвинителя. Англичане в этой ситуации объединились с американцами, требуя, чтобы Советский Союз официально объявил о том, что берет на себя ответственность за дальнейшие задержки. Масла в огонь подлил главный обвинитель от США Джексон, который резко заявил, что Соединенные Штаты откроют процесс в намеченное время, даже если им придется это сделать в одиночку. Здесь уже возмутились не только французы, но и англичане. Джексон фактически сорвал совещание, поскольку поднявшийся шум и перепалка не позволили его продолжить.

Снова собрались вечером. Рассмотреть вопрос, что не разрешился днем. Французы стояли на своем: мол, если начнете процесс без советской делегации, мы возьмем самоотвод. Заместитель члена трибунала от обвинителей Великобритании Норманн Биркетт заметил, что если будет создан прецедент, то и в дальнейшем придется откладывать заседания в случае болезни судей или обвинителей.

Пререкания союзников прервало появление полковника Ю. В. Покровского, заместителя Р. А. Руденко, который объявил, что главный обвинитель от СССР скоро прибудет в Нюрнберг. Он подчеркнул, что Роман Руденко должен присутствовать на открытии процесса лично, и отказался замещать его.

Что задержало прибытие Руденко? Пытался ли СССР сорвать процесс? Конечно, нет.

Но, зная о том, что все в СССР решалось с благословения И. В. Сталина, можно предположить, что, пока «отец народов» не утвердил стратегию, тактику и конкретные действия членов делегации на Нюрнбергском процессе, а подходил он к этому очень щепетильно и ответственно, Руденко оставался в Москве.

Обмен телеграммами между Р. А. Руденко и Ю. В. Покровским показывает, что советская сторона хотела ненадолго – на две-три недели – отложить открытие процесса. Покровскому, видимо, по неведению выступившему в печати против переноса срока, было высказано неудовольствие московских инстанций. Руденко, находясь в Москве, просил своего заместителя пока действовать через союзников: *«…поддерживайте активно Джексона в вопросе отложения процесса».* Усилия Покровского дали плоды: с переносом срока согласилась французская делегация. Однако главного обвинителя от США Джексона «обработать» не удалось. Благо до конфликта не дошло – советская сторона успела решить все проблемы.

Зал на третьем этаже нюрнбергского Дворца юстиции, где предстояло вершиться правосудию, выглядел строго и даже мрачновато. И это было сделано специально. Как ранее отмечалось, помпезные люстры, которые раньше украшали помещение, теперь были заменены на обыкновенные светильники. В отделанном темно-зеленым мрамором помещении все окна были плотно зашторены, дневной свет в зал не проникал.

На возвышении был расположен стол для судей, за ним – большие государственные флаги СССР, США, Великобритании и Франции. Уровнем ниже – секретариат, еще ниже – стенографистки, столы сотрудников прокуратуры – справа за ними размещалась пресса.

Скамья подсудимых находилась слева от входа. Герман Геринг, «наци № 2», занимал самое видное место – в первом ряду справа, рядом с ним расположился Рудольф Гесс, демонстративно читавший пасторальные новеллы, далее – Иоахим фон Риббентроп, Вильгельм Кейтель, Альфред Розенберг, Ганс Франк, Вильгельм Фрик, Юлиус Штрейхер, Вальтер Функ, Ялмар Шахт. Во втором ряду – Карл Дёниц, Эрих Редер, Бальдур фон Ширах, Фриц Заукель, Альфред Йодль, Франц фон Папен, Артур Зейсс-Инкварт, Альберт Шпеер, Константин фон Нейрат, Ганс Фриче.

За их спинами и по бокам стояли американские военные в белых касках, вооруженные пистолетами в белых лакированных кобурах, в руках – белые дубинки. Броскую экипировку военной полиции дополняли белые же пояса и гетры.

Впереди скамьи подсудимых располагались защитники в адвокатских мантиях.

Из числа нацистских лидеров, привлеченных к ответственности, всеобщее внимание привлекал Герман Геринг, второй после Гитлера человек в государстве. Он и здесь казался лидером, за что был окрещен «фюрером скамьи подсудимых».

Рейхсмаршал, прежде неимоверно тучный, сильно похудел, щеки обвисли, одежда висела на нем, как на вешалке. В Германии он был известен патологической страстью к нарядам. У него было тридцать мундиров, которые он придумал для себя. И на суде Геринг был одет необычно: серая куртка с желтыми кантами и золотыми пуговицами, с такими же кантами бриджи, заправленные в высокие сапоги. Он постоянно что-то писал, время от времени передавая листки через охрану своему защитнику. Иногда он отрывался от письма и что-то оживленно говорил Гессу, сидящему слева от него, затем снова принимался писать.

Гесс, бывший до перелета в Англию заместителем фюрера, был погружен в чтение книги. Он изображал человека, потерявшего память. Порой его мутный взгляд из глубоких, как норы, глазниц обходил зал, Гесс приподнимался, что-то начинал шептать Риббентропу и быстро смолкал, углубляясь в книгу.

Риббентроп все время сидел в излюбленной позе, скрестив на груди руки. Кейтель, в зеленом мундире без погон и наград, напряженно вытягивал шею, придерживая одной рукой наушники. Розенберг, задрав острый нос, вслушивался в реплики судей и обвинителей…

Кальтенбруннер на первом заседании отсутствовал, поскольку у него за два дня до этого произошло кровоизлияние в мозг. Семидесятипятилетний Густав Крупп был признан неподсудным по состоянию здоровья. Мартин Борман считался пропавшим без вести.

Все в зале суда говорило о хорошо продуманном порядке. Каждое место, включая места подсудимых, было радиофицировано, так что любое выступление можно было слушать по желанию на русском, английском, французском и немецком языках. Стенографистки менялись каждые 25 минут, чтобы к концу дня подготовить полную стенограмму заседания на четырех языках. Съемки судебного процесса велись через специальные застекленные проемы в стенах – чтобы не нарушать тишину.

Снаружи Дворец юстиции был окружен надежной охраной. Движение на близлежащих улицах было перекрыто, и по ним разъезжали только патрульные американские танки.

В кратком вступительном слове председательствующий лорд Лоуренс подчеркнул:

«…Процесс, который должен теперь начаться, является единственным в своем роде в истории мировой юриспруденции, и он имеет величайшее общественное значение для миллионов людей на всем земном шаре. По этой причине на тех, кто принимает в нем какое-либо участие, лежит огромная ответственность, и они должны честно и добросовестно выполнять свои обязанности без какого-либо попустительства, сообразно со священными принципами закона и справедливости».

Все находящиеся в зале прониклись исторической важностью события. Набежала мрачная тень на лица обвиняемых, которые до этого старались держаться непринужденно – переговаривались, писали записки адвокатам, делали записи для себя. Видно было, что предстоит большая и острая борьба. Никто из подсудимых не спешил с покаяниями. На вопрос председательствующего о признании их виновными все нацистские деятели ответили: «Нет».

Что ж, на то и суд, чтобы, исследовав все за и против, дать им беспристрастную юридическую оценку.

Допросы подсудимых начались в феврале 1946 г. Среди них были весьма неглупые люди, с твердым характером, умелые демагоги. Словесные поединки с ними требовали большого напряжения. При всем том, что трибунал отстаивал правое дело и опыта судьям и обвинителям было не занимать, нацистские бонзы, в особенности такие, как Геринг, в некоторых случаях переигрывали их, ловили на ошибках, неточностях.

Тюремный доктор Гилберт, врач-психиатр, составил в помощь трибуналу любопытный документ, в котором отразил свои наблюдения над подсудимыми. Гилберт определил их коэффициенты умственного развития, важные черты характера и отношения друг к другу.

По мнению Гилберта, самый высокий IQ имел Шахт, самый низкий – Штрейхер. Гилберт считал, что Шпеер, Шахт, Фриче и, возможно, Франк будут свидетельствовать против Геринга. Поддержат Геринга Риббентроп и Розенберг. Кейтель и Ширах колеблются.

Штрейхера он определил как человека косного, одержимого навязчивыми идеями. Гилберт предположил, что он будет строить свою защиту, ссылаясь на духовное очищение, мировой сионизм, учение Талмуда.

Риббентроп – амбициозный эгоист и оппортунист. Можно было рассчитывать, что Нейрат, Папен, Шахт и Шпеер, если задать им правильные вопросы, будут «топить» Риббентропа.

Папен – учтивый, благоразумный, дальновидный. Враждебно относится к Герингу, Риббентропу, Розенбергу. Для получения показаний против них лучше не «давить» на Папена, а использовать перекрестные допросы.

Гесс пассивен, апатичен. Истерик с параноидальными отклонениями. От него можно ожидать чего угодно, в том числе рецидива амнезии. Лучше не подвергать его интенсивным допросам.

Кейтель имеет IQ почти такой же, как и Риббентроп. За внешней решительностью скрывается слабый характер. Наиболее серьезные показания против Кейтеля может дать Шпеер.

По мнению Гилберта, Йодль – один из немногих, кто занимает собственную позицию в вопросах морали и военного дела. При правильных вопросах Йодль может дать показания против Геринга, которого не любит за высокомерие и нажитое в военное время богатство. Из офицерской солидарности не даст показаний против Кейтеля.

Розенберг – философ-дилетант, слепой приверженец Гитлера. С ним нужно обращаться построже. Можно обвинить его в том, что он активно проповедовал идеологию, с помощью которой совершено множество злодеяний.

Ганс Франк страдает раздвоением личности, имеет скрытые гомосексуальные наклонности, что стало причиной проявлений садизма и мазохизма. Отдает себе отчет в том, что виновен и будет казнен. Неясно, как он будет вести себя при допросе.

Вильгельм Фрик – крайне эгоистичный субъект, для которого мораль и нравственность не существуют. Поведение спрогнозировать трудно.

Шахт – человек честолюбивый и высокомерный. Кипит негодованием оттого, что оказался на скамье подсудимых вместе с приспешниками фюрера. Шахт сделал заявление о том, что готовил покушение на Гитлера и в конце войны сам оказался в нацистском концентрационном лагере.

IQ Дёница доктор Гилберт оценил чуть ниже, чем у Шахта. Он спокоен и уверен в себе, тюрьма его не сломила.

Редер болезненно чувствителен, раздражителен, склонен к фантазиям.

Глава 5. Побег в царство мертвых

Конечно, миллионы людей земли хотели бы видеть на скамье подсудимых в Нюрнберге главного виновника трагедии XX века – фюрера Германии Адольфа Гитлера. Однако он избежал Суда народов, сведя счеты с жизнью во время штурма Берлина советскими войсками.

После войны, да и по сей день ходит немало легенд о том, что обожженный труп принадлежал двойнику, а самому Гитлеру удалось скрыться. Время от времени появлялись «очевидцы», «встречавшиеся» с фюрером в разных уголках планеты.

На самом деле останки Гитлера были идентифицированы с абсолютной точностью. Об этом подробно рассказал Василий Иванович Горбушин, который незадолго до капитуляции, будучи полковником, возглавлял отдел контрразведки «Смерш» 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. В те дни ему было поручено чрезвычайно важное и сложное государственное задание. Вместе с возглавляемой им оперативной группой он должен был либо захватить Гитлера, либо разыскать его труп. Все это предстояло сделать в ходе ожесточенных боев в Берлине. Только 3 мая удалось выйти на след одного важного свидетеля, повествовал он, врача госпиталя рейхсканцелярии Кунца, который дал приблизительные ориентиры места сожжения трупа Гитлера. 4 мая в указанном месте красноармеец Чураков обнаружил в воронке от снаряда на территории рейхсканцелярии полуобгоревшие трупы мужчины и женщины, засыпанные землей, – как позже выяснилось, это были останки Гитлера и Евы Браун, – а также трупы двух собак. 5 мая 1945 г. офицер Панасов и рядовые Чураков, Олейник и Сероух составили акт о находке. Трупы вывезли в местечко Берлин-Бух, где они подверглись судебно-медицинской эскпертизе, которую проводила комиссия под председательством полковника медслужбы Шкаровского. Исследование установило, что смерть наступила в результате отравления цианистыми соединениями. Изъятые у трупов челюсти с искуственными зубами, мостами, коронками и пломбами Василий Горбушин поместил в отдельную коробку, которую передал своей помощнице, переводчице Елене Ржевской, и с ней она не расставалась ни на минуту. Горбушину с Ржевской потребовалось немало усилий, чтобы разыскать дантистов Гитлера. В результате были найдены медкарта Гитлера, рентгеновские снимки зубов и даже несколько подготовленных для него золотых коронок. Лично допрошенные Горбушиным ассистентка зубного врача Хойзерман и зубной техник Эхтман опознали предъявленные им верхнюю и нижнюю челюсть, подтвердив, что они принадлежали фюреру.

После опознания останки Гитлера были тайно захоронены, а потом и перезахоронены на территории советских военных городков в Восточной Германии. Вместе с ними земле предали тела Евы Браун, Йозефа Геббельса, его жены Магды и их шестерых детей. Второе захоронение было сделано 21 февраля 1946 г. в Магдебурге.

В апреле 1970 г. все описанные ранее захоронения вскрыли, и останки были окончательно уничтожены. Эта операция получила название «Архив».

Часть II
Горы фактов кричали о возмездии!

Глава 1. Это был «процесс документов»

Впереди было предъявление веских доказательств по всем пунктам обвинения – судебный марафон длиною в год, в ходе которого даже у людей безразличных либо прежде сочувствовавших нацизму не осталось сомнений в преступном характере как всей фашистской власти, так и ее руководства. Документов, показаний свидетелей, улик имелось огромное множество. Важно было правильно ими распорядиться, согласовав подходы представителей разных юридических систем.

Уставом и Регламентом трибунала были установлены следующие виды доказательств:

а) показания свидетелей (устные и письменные);

б) показания и объяснения подсудимых (устные и письменные);

в) документы;

г) вещественные доказательства.

Таким образом, Устав и Регламент трибунала почти целиком, за вычетом экспертизы, воспроизводили систему доказательств, принятую в советском доказательственном праве. Однако фактически на Нюрнбергском процессе применялась и экспертиза – судебно-психиатрическая и судебно-медицинская. Ходатайство защиты об экономической экспертизе было трибуналом отклонено.

Главную роль в работе трибунала играли трофейные документы. Преступная деятельность лидеров гитлеровской Германии отражалась на бумаге с чисто немецкой педантичностью. Свидетельские же показания представляли ценность живого слова, когда речь шла о событиях большого политического масштаба или о конкретных фактах преступлений – военных и против человечности. Непосредственно в суде было допрошено 116 свидетелей и принято 143 письменных показания свидетелей, а документальных доказательств принято около 2,5 тысячи, то есть в десять раз больше.

Защита чаще, нежели обвинение, прибегала к свидетельским показаниям. На процессе было допрошено 33 свидетеля, вызванных обвинением, и 61 свидетель, вызванный защитой.

В обычном судопроизводстве свидетели именуются либо свидетелями обвинения, либо свидетелями защиты. На Нюрнбергском процессе порой бывало, что свидетель защиты в результате перекрестного допроса становился свидетелем обвинения. Яркий пример – допрос фельдмаршала Мильха.

Поскольку процесс был международным, возник вопрос о разных видах присяги. 21 ноября 1945 г., на второй день после открытия процесса, трибунал вынес дополнительное постановление о присяге, в котором указывалось: *«Каждый свидетель должен быть приведен к своей национальной присяге по той форме, которая существует в его стране. В случае возражения, базирующегося на религиозных принципах, он может дать клятву в форме, приемлемой для трибунала».*

Для свидетелей, признающих религиозную присягу, был выработан такой текст: *«Клянусь Богом, всемогущим и всеведущим, что я буду говорить правду, только правду и ничего, кроме правды. Да поможет мне Бог!»* Граждане СССР давали торжественное обещание: *«Я, гражданин Советского Союза, вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу, торжественно обещаю и клянусь перед лицом Высокого суда говорить все, что мне известно по данному делу, и ничего не прибавлять и не утаивать».*

В этот же день со вступительной речью выступил главный обвинитель от США Роберт Х. Джексон. Затем выступили: 4 декабря 1945 г. – главный обвинитель от Великобритании Хартли Шоукросс, 17 января 1946 г. – главный обвинитель от Франции Франсуа де Ментон. По договоренности с союзниками главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко выступал 8 февраля 1946 г., как бы резюмируя и давая правовые оценки событиям и фактам.

Но вернемся к документам. В качестве доказательств трибуналу были представлены:

– официальные правительственные документы – ноты, сообщения, доклады, отчеты, письма, донесения, телеграммы, тексты законов и постановлений, инструкции, приказы, директивы, протоколы, договоры, соглашения, декларации;

– личные письма и заявления;

– дневники и мемуары;

– записи публичных выступлений в рейхстаге, на съездах, собраниях, заседаниях, по радио;

– записи бесед;

– газетные и журнальные статьи, книги;

– географические карты, схемы, планы;

– кинокартины и фотографии;

– приговоры судебных органов.

Особую ценность, несомненно, представляли официальные немецкие документы. Их число было огромно. Только американцами было просмотрено более 100 тысяч материалов, отобрано до 4 тысяч и 1,4 тысячи представлено трибуналу в качестве доказательств.

Исходя из требования Устава о том, что суд не должен быть связан формальностями при приеме доказательств, трибунал допускал представление фотографий не только для идентификации, как было принято, например, в английском законодательстве, но в качестве самих доказательств. Советские обвинители предъявили суду многочисленные снимки, на которых запечатлены зверства гитлеровцев на территориях СССР, Польши, Чехословакии и Югославии.

Многочисленные фотодокументы представила советская Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Трибунал беспрепятственно принимал в качестве доказательств карты, диаграммы и схемы, изготовленные обвинением, а также документальные кинофильмы.

Жуков Н. Н. Рисунок «У здания трибунала (Нюрнберг, 1946 г.)»

На судебном заседании демонстрировались кинофильмы, выпущенные в свое время гитлеровцами, и кинофильмы союзников. При демонстрации этих фильмов обвинители предоставляли доказательства достоверности кинолент: свидетельства об источнике фильмов, справки, при каких обстоятельствах киноленты были смонтированы, или удостоверения кинооператоров и лиц, монтировавших документальное кино.

На процессе в качестве доказательства применялась и экспертиза, как судебно-психиатрическая, так и судебно-медицинская. Например, судебно-медицинской экспертизе был подвергнут Крупп фон Болен унд Гальбах для выяснения, может ли он по состоянию здоровья предстать перед судом. Судебно-психиатрической экспертизе подвергли также подсудимых Гесса и Штрейхера. Оба они были признаны вменяемыми.

Нюрнбергский процесс вошел в историю как процесс документов. Именно документальные доказательства здесь были решающими. Союзники захватили важнейшие архивы гитлеровской Германии, например, архив германского Генерального штаба со всей оперативной документацией, раскрывающей подготовку и развязывание войн.

Действующая с ноября 1942 г. в СССР Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников внесла огромный вклад в доказательную документальную базу трибунала. В соответствии со ст. 21 Устава трибунала акты Чрезвычайной государственной комиссии подлежали принятию трибуналом без дальнейших доказательств. Уже сами по себе эти материалы представляли большую доказательственную ценность и обеспечивали поддержание обвинения от имени Союза ССР против главных немецких военных преступников. Аналогичные материалы представили Франция, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция, Норвегия.

В распоряжении суда оказались огромные собрания немецких документов. Были захвачены правительственные и личные архивы некоторых главарей фашистской Германии, например: архив штаба оперативного руководства гитлеровского Верховного главнокомандования во Фленсбурге; архив Риббентропа; архив Розенберга (документы были замурованы в потай-

ном хранилище в его замке в Баварии); архив Франка. 485 тонн архивов нацистского МИДа были захвачены 1-й американской армией.

Чтобы переработать такой массив материалов, был создан документальный отдел. Одно из его отделений собрало большое число официальных изданий с законодательными и ведомственными материалами, газет, публицистической литературы, принадлежавшей перу лидеров нацистской партии. Эти доказательства сыграли на процессе немаловажную роль. Другой отдел – допросный (его возглавлял полковник Эймен) – в составе группы следователей, их помощников, переводчиков и стенографов вел допросы обвиняемых и свидетелей.

Перед советским обвинением стояла задача максимального использования всех документальных материалов из найденных фашистских архивов. Для этого была создана следственная часть, в обязанность которой входила подготовка документальных доказательств, в том числе материалов из архивов, захваченных англо-американскими войсками, допрос обвиняемых и некоторых гитлеровских генералов и руководителей ведомств, которые на процессе фигурировали как свидетели.

Советские следователи обнаружили особо ценные документы, в частности, подлинный план «Барбаросса». Существование этого плана предполагало наличие различного рода дополнительных документальных данных, которые гитлеровский Генеральный штаб должен был разрабатывать для реализации плана военного нападения на СССР. На поиски этих документов, перевод на русский язык и систематизацию были направлены большие усилия. Собирались материалы, подтверждающие виновность главных военных преступников по всем пунктам предъявленного им обвинения. Документы систематизировались по отдельным видам преступлений и по каждому из обвиняемых. Одновременно изучались протоколы допросов обвиняемых и свидетелей, которые производились американскими следователями.

Кроме того, нашими следователями были допрошены почти все обвиняемые и значительное число свидетелей.

Допрос велся обязательно через переводчика и под стенограмму. По наиболее значимым вопросам стенограмма велась одновременно на русском и немецком языках. Расшифрованная немецкая стенограмма на следующий день давалась на подпись допрошенному и таким образом превращалась в официальный протокол допроса, имеющий силу судебного доказательства.

В составе советской делегации документы изучала специальная следственная группа во главе с государственным советником юстиции 3-го класса Г. Н. Александровым.

Главный советский обвинитель Р. А. Руденко назначил руководителем документальной части профессора Д. С. Карева, достойной помощницей которого на протяжении всего процесса являлась Татьяна Александровна Илерицкая. Такая же документальная часть была организована и в аппарате советских судей в Международном трибунале. Здесь систематизацией доказательств занимались майор юстиции А. С. Львов и Г. Д. Бобкова-Басова.

Глава 2. Сложности перевода

Особо хотелось бы остановиться на работе переводчиков. Это был сложный и ответственный труд. Ведь именно от умения квалифицированно, быстро и абсолютно адекватно перевести услышанное во многом зависел успех обвинения. Следует отметить, что синхронный перевод сразу на несколько иностранных языков начал применяться лишь в 1940-х гг. Но только, пожалуй, после Нюрнбергского процесса, где он прошел серьезную обкатку, синхронный перевод вышел на широкую дорогу. Затем он был применен на Токийском процессе, а потом уже и в Организации Объединенных Наций.

Из воспоминаний советских переводчиков, участвовавших в Нюрнбергском процессе, видно, насколько непросто делались ими первые шаги. Сын одного из руководителей наших переводчиков – Илья Евгеньевич Гофман – любезно предоставил автору этого издания как документы того времени, так и рукописные мемуары своего отца, Евгения Абрамовича Гофмана, который с февраля 1946 г. возглавлял группу советских переводчиков в Нюрнберге. Вот что он пишет: *«Впервые мне пришлось выступать в роли синхронного переводчика в 1946 г. в Нюрнберге. Когда я направлялся в этот старинный город, приковавший в то время внимание миллионов людей всего мира, следивших за работой Международного военного трибунала, я не имел ни малейшего представления о задачах, которые мне предстояло выполнять. И вот я в мрачном сером здании Дворца юстиции. Видавший виды, дышащий Средневековьем главный зал выглядит необычно…»*

Дальше идет описание зала. Он детализируется Гофманом под углом зрения переводчика и, естественно, немного отличается от тех, которые ранее давались в научной и художественной литературе. И это неудивительно еще и потому, что он почти год сидел в метре от подсудимых. Если бы не высокая стеклянная перегородка, он мог бы рукой дотянуться до этих извергов.

Евгений Абрамович, в частности, пишет: *«Слева – в два ряда скамьи подсудимых, огороженные массивной дубовой оградой; справа – на возвышении длинный судейский стол; в центре – столы защитников и стенографисток; в глубине зала – четыре стола обвинения от СССР, США, Англии и Франции; еще дальше – места прессы, над которыми навис балкон для немногочисленных гостей. В левом углу мое внимание привлекло странное сооружение из стекла, похожее на соты из четырех ячеек с чернеющими за стеклом микрофонами. Это и были кабины переводчиков…»*

Наибольший интерес в его воспоминаниях, конечно же, представляют истории, касающиеся непосредственной работы переводчиков. И вот как все тогда начиналось: *«На другой день после приезда американцы, возглавлявшие группу переводчиков, устроили проверку новым переводчикам. Из зала в микрофон читался немецкий текст, который нужно было переводить на остальные рабочие языки (русский, французский, английский). Проверка прошла благополучно, и уже на другой день я сидел в кабине рядом со своими коллегами. Председательствующий предоставил слово немецкому адвокату, защитнику подсудимого гроссадмирала Редера. На меня посыпался дождь юридических толкований различных законов, сформулированных в сложнейших синтаксических периодах. С огромнейшим трудом я продирался через эту чащу, старался ухватиться за малейшие проблески здравого смысла… Когда я вышел из кабины, в голове у меня был сплошной туман…»*

Жуков Н. Н. Рисунок «Французские стенографистки»

Как же был организован синхронный перевод на Нюрнбергском процессе?

«Каждая делегация обеспечивала перевод на свой родной язык. Перевод на немецкий язык делали американские переводчики. В каждой из четырех открытых сверху кабин одновременно сидели переводчики с английского, немецкого и французского языков. На столе кабины, перед стеклом, за которым сразу же начинались скамьи подсудимых, был установлен переносной микрофон, которым завладевал один из переводчиков, в зависимости от того, выступал ли оратор на английском, немецком или французском языке. Случалось и так, что за шесть часов работы французскому переводчику ни разу не пришлось произнести ни слова. Зато когда выступали подсудимые и их защитники, немецким переводчикам приходилось „жарко“. Часто они работали без отдыха всю смену (1,5 часа), а когда один из коллег выбывал из строя по болезни, то и две, и даже три смены… Непосвященного человека, входившего в зал, поражал многоголосый гул, доносившийся из кабин…»

Гофман уточняет, что среди иностранных переводчиков преобладали американцы. В основном это были *«люди солидного возраста и с большим переводческим стажем. Значительная часть из них были эмигранты, проживающие много лет в Англии или США»*. При знакомстве они представлялись: «князь Серебрянников», «князь Васильчиков», «граф Толстой…».

В иностранных делегациях между синхронными и письменными переводчиками было проведено строгое размежевание. Синхронные переводчики не занимались письменными переводами, и наоборот. У нас же таких разграничений, судя по записям Евгения Абрамовича, не было. Ну это на работе и отношениях никак не сказывалось. Жили дружно. *«По вечерам после работы и в перерывах между сменами мы сверяли свои стенограммы с оригиналами, правили их и считывали после перепечатки на машинке, переводили документы и речи, выступали в роли устных переводчиков при переговорах с представителями других делегаций. Так незаметно прошел почти год. Процесс закончился, но мы продолжали трудиться сначала*

в Нюрнберге, а затем в Лейпциге над обработкой стенограмм. Эта работа была завершена лишь в 1947 г.».

Возвращаясь опять к работе трибунала, надо признать, что процесс не всегда шел ровно. Гофман вспоминал случаи, когда во время заседаний вдруг все стопорилось – переводчики (в основном американцы, наши, естественно, себе такого не позволяли) вскакивали, срывали с себя наушники, отказывались переводить. Заседание трибунала прекращалось. Происходило это в основном тогда, *«когда оратор, несмотря на сигналы переводчиков, мчался, закусив удила… Оратору делалось внушение, он просил извинения у переводчиков»*, и трибунал опять продолжал работу.

Но были моменты и покруче. Однажды трибунал по вине «иностранных стенографисток» вообще несколько дней не заседал. *«Стенографистки объявили забастовку, требуя повышения заработной платы».* И их требования были частично удовлетворены…

Справедливости ради настало время сказать, что не все ладилось и в работе советской делегации.

Классическая ситуация соперничества в Нюрнберге однажды обернулась неприятными инцидентами. Следствием во время процесса занималась прокурорская группа во главе с Георгием Николаевичем Александровым. Она находилась в подчинении главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко. Оперативные вопросы решала специальная бригада Главного управления контрразведки «Смерш». Руководил ею М. Г. Лихачев.

Между ними существовали трения. Некоторые работники группы питали подозрения друг к другу, обменивались упреками, а иногда дело заходило еще дальше. Как-то, еще до начала процесса, смершавцы донесли в Москву, что Г. Н. Александров якобы «слабо парирует» антисоветские выпады обвиняемых. Александрову пришлось письменно оправдываться перед прокурором СССР Горшениным, что никаких выпадов со стороны обвиняемых ни против СССР, ни против него лично не было и что беспочвенные обвинения мешают работе.

8 декабря 1945 г. был смертельно ранен один из водителей советской делегации, дожидавшийся своего начальника возле «Гранд-отеля». Поползли слухи о попытке покушения на Руденко, однако более вероятной целью был Лихачев. Миссия, возглавляемая им, проводила в Нюрнберге очень большую и весьма полезную работу.

Вот как вспоминала об этом эпизоде переводчица Лихачева О. Г. Свиридова:

«Многие вечера мы проводили в ресторане „Гранд-отеля“… Однажды мы – а именно Лихачев, Гришаев, Борис Соловов и я – собрались, как обычно, поужинать в „Гранд-отеле“, но у меня возникли какие-то дела, и я решила остаться дома.

Лихачев вместе с компанией поехал в Нюрнберг на очень заметном лимузине – на черно-белом „Хорьхе“ с салоном из красной кожи, про который говорили, что он из гаража Гитлера. У Лихачева была привычка садиться впереди, справа от шофера. Не доезжая до „Гранд-отеля“, Гришаев и Соловов попросили остановить машину, поскольку остаток пути решили пройти пешком. Поколебавшись несколько секунд, к ним присоединился и Лихачев.

Минутой позже кто-то в форме рядового американской армии рывком распахнул переднюю правую дверь остановившейся у „Гранд-отеля“ машины и в упор выстрелил в шофера Бубена. Лично я считаю, что жертвой нападавшего должен был стать Лихачев, поскольку он наверняка думал, что Лихачев, как всегда, сидит на своем обычном месте. Смертельно раненный Бубен успел сказать: „В меня стрелял американец“».

К сожалению, это был не единственный драматический эпизод в работе советской делегации. 22 мая 1946 г. в своем номере был найден мертвым помощник главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Николай Дмитриевич Зоря. По поводу его смерти по сей день существует несколько версий. Официальная – неосторожное обращение с оружием. Ее пока никто доказательно не опроверг. Сын Зори, Юрий Николаевич, при жизни высказывал

автору этой книги сомнения по поводу причин кончины отца. Он считал, что в свое время она не была тщательно расследована.

Напряженно работала советская делегация на Нюрнбергском процессе. Ее руководителям все время приходилось держать «руку на пульсе». Особенно велика была степень ответственности Р. А. Руденко. Ему приходилось скрупулезно вникать не только в процессуальную составляющую рассматриваемого трибуналом дела, детально изучать документы, готовиться к выступлениям, но и организовывать всю работу нашей миссии, улаживать возникающие вызовы и угрозы, решать задачи и проблемы, которые могли иметь большой международный резонанс. И такие проблемы возникали постоянно. И не только внутри нашей делегации…

20 ноября 2006 г. на Международной научной конференции, посвященной 60-летию Нюрнбергского процесса, проходившей в Академии наук Российской Федерации, профессор Джон К. Баретт[4], возглавляющий фонд Джексона, рассказывал мне, как *«однажды зимним вечером американские солдаты вытащили бумаги из советского грузовика, который доставил к зданию суда захваченные документы нацистов, и сожгли их, чтобы согреться…»*

Случай, конечно, не только интересный, но и возмутительный. Об этом эпизоде мне также в разные годы рассказывали помощник Руденко на Нюрнбергском процессе Марк Юрьевич Рагинский, охранник Романа Андреевича Иосиф Давыдович Гофман и сын Руденко Сергей Романович Руденко.

Однако еще более интересно было узнать о реакции на этот произвол главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Романа Андреевича Руденко. Как повел он себя в этой ситуации? Ведь речь шла о документах, которые, как раньше было уже отмечено, играли весьма важную роль в системе выстраивания доказательств обвинения против нацистских преступников и их обличения в совершенных злодеяниях.

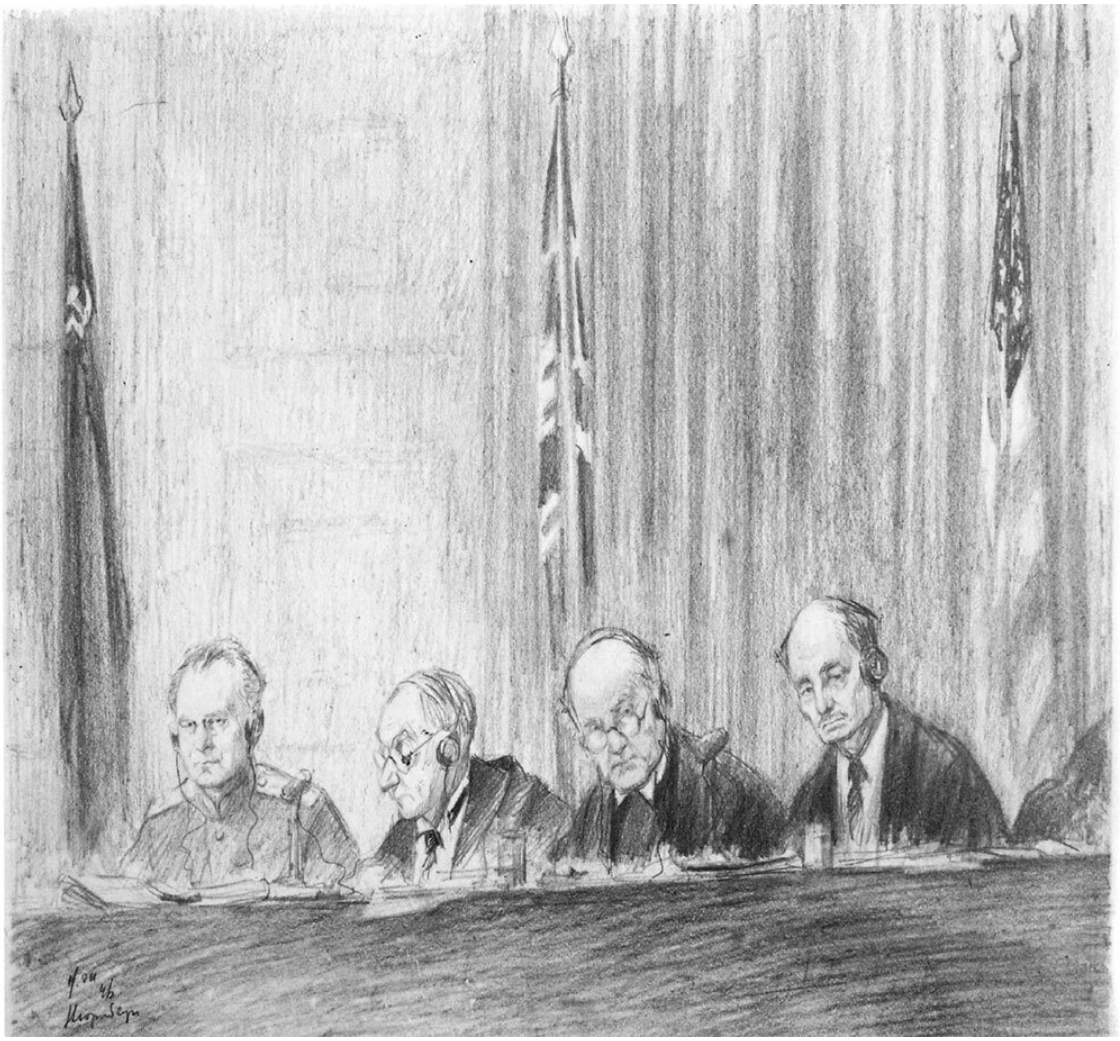
Назревал большой скандал. Джексон нервничал. Руденко, напротив, спокойно разбирался с ситуацией. Вероятно, советовался с Москвой. И, когда он понял, что сожженные документы не представляют особой ценности, ему достало мудрости, чтобы не раздувать пламя ссоры, и благородства, чтобы не портить нервы своему коллеге. Хорошо понимая, что Джексон переживает по поводу случившегося, Руденко по-мужски и весьма дипломатично успокоил его, доброжелательно сказав: *«Мы можем забыть об этом инциденте».* Джексон был приятно удивлен. После этого случая отношения между двумя прокурорами стали более доверительными. И, как ответственно заметил Джон Баретт во время беседы, состоявшейся у меня с ним в кулуарах конференции, *«Джексон тепло и искренне относился к Руденко и симпатизировал представителям СССР…»* Он также «уважал завершающее заявление, которое сделал Советский Союз в конце процесса».

Представляется, что это были не пустые слова. В своих мемуарах Джексон действительно записал: *«Несогласие представителей СССР с оправданием Шахта, фон Папена и Фриче и то, что нам не удалось объявить генералитет и Верховное командование преступниками, является сдержанным, но значимым мнением, которое не только не ослабляет, но подтверждает правовые принципы, изложенные в приговоре трибунала».*

[4] Профессор права, Школа права Университета Св. Иоанна, Куинс, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки (www.law.stjohns.edu).

Глава 3. Немного о тех, кто обвинял и судил нацистов

О Нюрнбергском процессе, его обвиняемых, а также судьях и обвинителях со стороны США, Великобритании, Франции написано за рубежом много статей и даже книг, благодаря которым участники суда превратились в своих странах в главных действующих лиц и героев Суда народов. Они этого достойны. Но ведь в работе трибунала по изобличению нацистских преступников участвовали не они одни. Пора восстановить историческую справедливость и более подробно рассказать о судьбах тех, кто представлял в Международном военном трибунале Советский Союз. О них почти ничего не известно. А ведь эти люди внесли немалый вклад и в работу трибунала, и в укрепление правопорядка в нашем Отечестве.



Жуков Н. Н. Рисунок «Судьи (Никитченко Лоуренс Биддл)»

В первую очередь это касается Романа Андреевича Руденко. Конечно, он был продуктом сложной исторической эпохи. И не только он… Но ведь, как сказал поэт, «времена не выбирают, в них живут и умирают».

Главный обвинитель от СССР

РУДЕНКО Роман Андреевич (1907–1981) – государственный и общественный деятель, действительный государственный советник юстиции.

Р. А. Руденко, дольше всех находившегося на посту Генерального прокурора СССР, называли человеком блестящей карьеры. Ведь роль главного обвинителя в Международном военном трибунале, которую он исполнил с блеском и достоинством, во многом предопределила его судьбу. Советская пресса периода перестройки утверждала, что Руденко был обласкан властью. Еще до войны ему, молодому и способному юристу, явно благоволили такие видные политические деятели, как Н. С. Хрущев и А. Я. Вышинский.

Однако ни в одном официальном документе или публикации не сообщалось о том, что всего за шесть лет до Нюрнбергского процесса будущий главный обвинитель попал в такую ситуацию, что не знал, чем и когда закончится его жизнь.

В работе прокуратуры Сталинской области, которую он возглавлял, были выявлены недостатки. В основном речь шла о том, что областная прокуратура надлежащим образом не реагировала на заявления граждан. Руденко получил партийный выговор и был снят с должности. По тем временам – а это случилось в 1940 г. – нужно было ждать ареста и более суровых мер.

Рассчитывать на помощь покровителей не приходилось. Руденко знал недавнюю историю П. Н. Малянтовича – последнего генерал-прокурора во Временном правительстве Керенского, подписавшего в 1917 г. постановление о задержании Ленина по делу о шпионаже. Ранее Малянтович был адвокатом и очень самоотверженно защищал в суде социал-демократов. В помощниках его ходили А. Я. Вышинский и А. Ф. Керенский. Вышинский считал Малянтовича своим учителем, до революции бывал у него дома и даже столовался.

После ареста Малянтовича его жена, Анжелика Павловна, не раз обращалась к Вышинскому, доказывая, что муж ни в чем не виноват. Но высокопоставленный ученик ничем не помог учителю и даже не сообщил Анжелике Павловне о его расстреле.

Более года Руденко был без работы, находясь в постоянном плену тягостных мыслей, однако духом не пал и использовал это время для продолжения образования. Начавшаяся война, видимо, списала его грехи, и Роман Андреевич был вновь востребован на профессиональном поприще.

Назначение прокурора Украины, имевшего «черную метку» в биографии, главным обвинителем от СССР было неожиданным и стремительным взлетом к вершине мировой юриспруденции. Оно вовсе не вытекало из логики тогдашнего мышления. Можно представить волнение и трепет Романа Андреевича, которому предстояло выполнить историческую миссию.

Родился он 17 (30) июля 1907 г. в селе Носовка Черниговской губернии в многодетной семье крестьянина-бедняка. Кроме Романа у родителей было еще пятеро сыновей: Николай, Иван, Федор, Петр и Антон, а также две дочери – Нина и Надежда. До революции его отец имел лишь одну четверть десятины земли и, чтобы прокормить большое семейство, работал по найму, в основном плотничал, а мать, как это часто бывало у малоземельных крестьян, батрачила. После Октябрьской революции Андрей Руденко получил от советской власти немного земли, но семья жила так же трудно. В 1929 г. вступили в колхоз.

Роман рос сметливым и бойким, любил верховодить, за что товарищи дали ему прозвище Ватажок. Окончив в 1922 г. школу-семилетку в Носовке, работал в родительском крестьянском хозяйстве, летом пас скот по найму. В 1924 г. поступил на сахарный завод чернорабочим, на предприятии стал комсомольским активистом.

Старший брат, Николай Андреевич, рассказывал автору этой книги, что еще в детские и юношеские годы Роман имел неуемную тягу к знаниям, отмечал его собранность и дисциплинированность. Видимо, именно эти черты характера позволили ему пройти путь от чернора-

бочего до Генерального прокурора СССР и главного обвинителя от Советского Союза в Международном военном трибунале.

В декабре 1925 г. Романа Руденко избрали членом Носовского райкома комсомола. На пленуме райкома он вошел в состав бюро и стал штатным комсомольским работником, заведующим культурно-пропагандистской деятельностью. Одновременно работал инспектором в райисполкоме. После вступления в партию (декабрь 1926 г.) возглавил райотдел культуры.

Следующим шагом была должность инспектора окружного комитета рабоче-крестьянской инспекции в городе Нежине. Здесь Руденко познакомился с юриспруденцией, выступая общественным обвинителем в суде, приобрел и журналистский опыт, сотрудничая с местными газетами.

Плоть от плоти крестьянин, Роман Андреевич безоговорочно разделял политику большевистской партии, и, как сам писал в анкетах, у него «колебаний не было, в оппозициях не участвовал». Такие люди в те времена ценились, и партийные комитеты их нещадно эксплуатировали, бросая на самые трудные участки работы. Так произошло и с Руденко.

В 1922 г. была образована советская прокуратура. Она остро нуждалась в кадрах. Грамотных людей в стране было не так уж и много, а юридически подкованных – тем более. В ноябре 1929 г. окружной комитет партии принял решение о мобилизации молодого коммуниста Романа Руденко в прокуратуру. Так он оказался в должности старшего следователя окружной прокуратуры в Нежине.

Руденко оказался из тех, кто схватывает все на лету, и через семь месяцев его перевели помощником окружного прокурора в Чернигов. А спустя еще четыре месяца Роман Андреевич в возрасте 23 лет возглавил Бериславскую районную прокуратуру в Николаевской области.

Росту способствовали незаурядные личные качества Руденко – высокая работоспособность, вдумчивость, принципиальность, умение отстаивать свою точку зрения. Окружающим были симпатичны его скромность, доброжелательность, умение располагать к себе, создавать теплую обстановку в коллективе.

Быстрое выдвижение способных людей было характерной чертой того бурного времени. В 1931 г. Руденко – помощник Мариупольского городского прокурора. В 1932 г. – старший помощник областного прокурора в Донецке. В 1933 г. – прокурор города Макеевка… В конце 1937 г. мы видим его на посту прокурора Донецкой области, а затем, после разделения ее на Сталинскую и Ворошиловградскую, – прокурором Сталинской области.

Роман Андреевич стал заметной политической фигурой. В 1939 г. он присутствовал с правом совещательного голоса на XVIII съезде ВКП(б). Его знал и ценил Н. С. Хрущев, избранный в феврале 1938 г. Первым секретарем ЦК Компартии Украины.

Роман Андреевич был на особом счету и в Прокуратуре Союза ССР. Ходили слухи, что, когда в июне 1939 г. встал вопрос о назначении нового Прокурора СССР, Вышинский, уходивший на должность заместителя Председателя Совнаркома СССР, предложил оставляемое им кресло Руденко, но Хрущев «заартачился», не желая отпускать толкового областного прокурора, и назначение тогда не состоялось.

Однако очень скоро перспективного прокурора постигло увольнение, о котором упоминалось выше. Проведенная в 1940 г. проверка выполнения постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. о перестройке работы по надзору за органами НКВД установила, что прокурор Сталинской области этого постановления не выполнил. Например, спецотдел прокуратуры оказался неукомплектованным – вместо пяти человек по штату работали только двое. Также на день проверки в спецотделе прокуратуры имелось 3603 жалобы, из них 1839 жалоб лежали, по существу, не разрешенными с 1939 г. Отдельные жалобы волокитились с 1938 г. Истребованные еще в январе 1940 г. из УНКВД 305 дел были не рассмотрены.

Не будем искать у этой проверки двойного дна – скорее всего, эти недостатки действительно были. Прокурора области, которому было от роду 33 года, сняли с работы и объявили

выговор по партийной линии. Решение об этом принималось в Москве. Заведующий отделом управления кадров ЦК ВКП(б) Бакакин и инструктор управления кадров Гришин подписали заключение, в котором было предложено ЦК КП(б) Украины и Прокуратуре СССР освободить Руденко от занимаемой должности. В августе 1940 г. такое решение состоялось. Обычно в те годы увольнением дело не заканчивалось, и за ним вполне мог последовать арест.

Надо полагать, много бессонных ночей провел тогда Роман Андреевич, тем не менее устоял и даже не оставил мыслей продолжить прокурорскую службу. Правда, об этой горькой странице своей жизни он никогда и никому не говорил. 15 сентября 1940 г. Роман Андреевич стал слушателем Высших академических курсов Всесоюзной правовой академии. Одновременно его зачислили в экстернат Московской юридической школы Наркомата юстиции РСФСР. Таким образом, учиться ему пришлось на «два фронта».

Выпускные экзамены на Высших курсах совпали с началом Великой Отечественной войны. Свидетельство об окончании курсов Руденко получил 27 июня 1941 г. Оценки почти по всем предметам у него были отличные. А еще через три дня, 1 июля, Роман Андреевич успешно выдержал экзамены в юридической школе. В том же 1941-м Руденко поступил на экстернат Московского юридического института, однако продолжить учебу помешала война.

26 июня 1941 г. Это особая дата в жизни Руденко – «его вернули» в прокуратуру. Приказом Прокурора СССР он был назначен начальником отдела Прокуратуры СССР по надзору за органами милиции.

Однако уже через 13 дней, 9 июля 1941 г., он обращается с рапортом к исполняющему обязанности Прокурора Союза ССР Н. Г. Сафонову с просьбой отправить его на фронт: *«Искренно желая принять участие на самых боевых участках в разгроме врага – германского фашизма, прошу призвать меня в Военную прокуратуру и откомандировать во фронтовую полосу. Я, 1907 г. рождения, член ВКП(б) с 1926 г., имею звание военюрист II ранга. Я обещаю, не страшась никаких трудностей, испытаний и лишений, отдать все свои силы, а если нужно будет, и жизнь, за дело нашей социалистической родины, за дело нашей партии Ленина – Сталина».*

Но тогда просьбу Романа Андреевича не удовлетворили, и он до начала весны 1942 г. оставался в Москве.

В феврале 1942 г. встал вопрос о направлении Руденко в Прокуратуру Украинской ССР на должность заместителя Прокурора республики вместо Ф. А. Беляева, поставленного Прокурором Узбекской ССР. Наверное, это было сделано не без инициативы тогдашнего Первого секретаря ЦК Компартии Украины Н. С. Хрущева, хотя официально вопрос согласовывался с секретарем республиканского ЦК Спиваком. 25 февраля 1942 г. Прокурор СССР В. М. Бочков обратился с соответствующей просьбой к секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову. В союзном ЦК партии не возражали, и 12 марта 1942 г. Бочков издал приказ о назначении Руденко заместителем Прокурора Украинской ССР по общим вопросам.

Аппарат Прокуратуры Украины, большая часть территории которой была оккупирована, располагался в то время в Ворошиловграде. При невеликом штате – всего 23 человека вместе с техническими работниками – задач по прокурорскому надзору был непочатый край: выполнение оборонных заказов, ремонт боевой техники, строительство оборонительных сооружений и т. д. В числе главных направлений работы было также укрепление трудовой дисциплины и предупреждение эпидемических заболеваний. Работникам прокуратуры приходилось выезжать в прифронтовые районы, помогать районным прокурорам. Добираться до места обычно приходилось на попутных машинах, а то и пешком.

В конце июля 1942 г. военная обстановка осложнилась, и советские войска полностью оставили Украину. На территории РСФСР продолжила деятельность оперативная группа Прокуратуры республики во главе с исполняющим обязанности Прокурора Украины Р. А. Руденко.

В 1943 г. началось освобождение украинской земли, которое было завершено в октябре 1944 г. Оперативной группе Прокуратуры УССР предстояло восстановить все звенья прокурорского надзора. В начале 1943 г. группа базировалась в очищенных от врага районах Ворошиловградской области, затем – Харьковской, а с августа 1943 г. – в самом Харькове.

23 июня 1943 г. Р. А. Руденко назначается на пост Прокурора Украинской ССР, сменив Л. И. Яченина, находившегося в Красной армии на должности прокурора фронта.

Забот у руководителя прокуратуры второй по величине советской республики, серьезно пострадавшей от фашистского нашествия, было предостаточно. Прокурорский надзор был направлен на выполнение директив правительства о восстановлении народного хозяйства, соблюдение прав военнослужащих и членов их семей, инвалидов войны, трудящихся предприятий и колхозов, борьбу с детской беспризорностью. Р. А. Руденко лично возглавил работу по расследованию фактов злодеяний, бесчинств и террора нацистов против мирных жителей. Собранные по этому вопросу материалы передавались в созданную правительством СССР Чрезвычайную государственную комиссию.

Незадолго до освобождения Киева, 4 октября 1943 г., Руденко своим приказом создал специальную группу. В приказе говорилось: *«1. Группе войти в Киев в день его освобождения. 2. Под руководством и при содействии партийных и советских органов обеспечить соблюдение в нем социалистической законности и советского правопорядка».*

Прокуроры вошли в город 6 ноября, вслед за боевыми порядками войск. Член группы К. Н. Гавинский, с которым мне довелось работать, вспоминал: *«…Оставив позади пылающую Дарницу, наша группа вышла к Днепру. Нашли лодку без весел и поплыли по течению, подгребая к правому берегу обломком доски. Нас снесло к разрушенному мосту. По его фермам добрались до берега. Среди руин Крещатика шла узкая тропа. По безлюдным улицам, промокшие и озябшие, но бесконечно счастливые, мы вышли на площадь Калинина.*

Было шесть часов вечера. Неожиданно из репродуктора, установленного воинской частью на одной из стен полуразрушенного здания городского Совета, раздался голос диктора: От Советского информбюро…. Прозвучало сообщение об освобождении Киева.

На следующий же день мы приступили к делу. Прежде всего установили связь с прибывающими в город партийными и советскими работниками. Каждый из нас, возглавив одну из прокуратур района, обязан был немедленно организовать ее деятельность».

Следом в столицу республики, еще дымящуюся военными пожарами, переместился Р. А. Руденко и весь аппарат прокуратуры.

Гавинский рассказывал автору книги, что Роман Андреевич проявил тогда большие организаторские способности и умение работы в экстремальных условиях, был очень доступным для общения руководителем и исключительно трудоспособным человеком, все вопросы решал быстро, четко и профессионально.

В начале 1944 г. на освобожденной территории Украины уже действовала 321 районная прокуратура. Кадры собирались по всей стране. По состоянию на июнь 1944 г. в распоряжение Прокурора УССР прибыло две тысячи человек. Их, конечно, было недостаточно, и по распоряжению Р. А. Руденко в шести городах были созданы краткосрочные юридические курсы.

Профессионал своего дела, он часто выступал в судах в качестве государственного обвинителя, в том числе и в Москве. Например, с 20 по 22 июня 1945 г. Военная коллегия Верховного суда СССР рассматривала дело по обвинению генерала Л. Б. Окулицкого и других (всего 15 человек), руководивших польским подпольем в тылу Красной армии (так называемой Армией Крайовой). В ходе террористической деятельности этой «армии» только с июля 1944 г. по май 1945 г. было убито и ранено около 500 советских солдат и офицеров.

Основным обвинителем был утвержден Главный военный прокурор Н. П. Афанасьев. Когда при обсуждении этого дела у Сталина возник вопрос о том, кто будет помогать обвинителю, Афанасьев назвал Прокурора Украинской ССР Р. А. Руденко. Сталин с ним согласился.

Процесс был громким, его широко освещала советская и зарубежная пресса, некоторые заседания транслировались по радио на всю страну. Роман Андреевич показал себя на процессе настойчивым и находчивым обвинителем, ярким, красноречивым оратором, что было замечено вождем и сыграло роль при его назначении в Нюрнберг главным обвинителем от СССР.

Надо сказать, Прокурор Украинской ССР блестяще справился с трудной задачей. Участие Руденко в Нюрнбергском процессе – ярчайшая страница в его биографии.

Он прославился как юрист высочайшей квалификации, человек твердых принципов, великолепный оратор. Стиль допроса Руденко отличался наступательностью, в нем превалировала четкая аргументация и убийственная логика преподнесения факта, которую невозможно опровергнуть.

Характерную деталь привел участник Нюрнбергского процесса А. Полторак. Он писал: *«Геринг и его коллеги по скамье с самого начала прибегали к весьма примитивному приему, для того чтобы посеять рознь между обвинителями четырех держав. Держась в рамках судебного приличия в отношениях с западными обвинителями, они сразу же пытались подвергнуть обструкции советского прокурора. Как только Руденко начал вступительную речь, Геринг и Гесс демонстративно сняли наушники. Но продолжалось это недолго. Стоило только Руденко назвать имя Геринга, как у рейхсмаршала сдали нервы, он быстренько опять надел наушники и через минуту-две уже стал что-то записывать».*

По его же словам, когда Руденко закончил допрос Риббентропа, Геринг с жалостью посмотрел на бывшего министра иностранных дел и лаконично подвел итог: *«С Риббентропом покончено. Он теперь морально сломлен».*

«С не меньшим основанием,– писал А. Полторак,– Риббентроп мог сказать это и в отношении Германа Геринга, когда он возвращался на свое место после допроса советским обвинителем. В Нюрнберге в то время распространился нелепый слух, будто Руденко, возмущенный в ходе допроса наглостью Геринга, выхватил пистолет и застрелил нациста №2. 10 апреля 1946 г. об этом даже сообщила газета „Старз энд страйпс“. Такая дичайшая газетная „утка“ многих из нас буквально ошеломила. Но меня тотчас же успокоил один американский журналист: „Собственно, чего вы так возмущаетесь, майор? Какая разница, как было покончено с Герингом? Как будто ему легче пришлось от пулеметной очереди убийственных вопросов вашего обвинителя…“».

Молодого советского прокурора (ему было тогда 38 лет) узнал и услышал весь мир. Его выступления вошли в учебники для юридических вузов как образцы доказательности, логики и ораторского искусства.

Заключительную речь главный обвинитель от СССР Руденко произносил два дня, 29 и 30 июля 1946 г. Конечно, эта речь – коллективное творчество советской делегации, но произнес ее Роман Андреевич мастерски. Об этом единодушно говорят все очевидцы событий тех лет.

30 августа 1946 г. Руденко произнес заключительную речь по делу преступных организаций. В конце ее Руденко сказал: *«Обвинение выполнило свой долг перед Высоким судом, перед светлой памятью невинных жертв, перед совестью народов, перед своей собственной совестью. Да свершится же над фашистскими палачами Суд народов – Суд справедливый и суровый!»*

Помощники главного обвинителя от СССР

ПОКРОВСКИЙ Юрий Владимирович (1902–1953) – специалист в области права, полковник юстиции. Участник Гражданской войны. Работал в военной прокуратуре и прокуратуре на железнодорожном транспорте. Участвовал в Нюрнбергском процессе в качестве заме-

стителя главного обвинителя от СССР. Выступал по разделам обвинения «Агрессия против Чехословакии, Польши и Югославии» и «Преступное попрание законов и обычаев войны об обращении с военнопленными», участвовал в допросах подсудимых и свидетелей.

ЗОРЯ Николай Дмитриевич (1907–1946) – специалист в области права, государственный советник юстиции 3-го класса. Отца не помнит, мать умерла в 1921 г. Жил в Киеве. В детстве был обучен французскому языку, живописи, игре на фортепиано. После смерти матери беспризорничал, затем попал в детский дом. В 1927 г. окончил юридическое отделение факультета общественных наук Московского университета.

Поначалу работал следователем районной прокуратуры в Пятигорске, потом в органах прокуратуры в Тамбове, Воронеже. Затем был назначен на должность заместителя главного прокурора на железнодорожном транспорте.

Отличительные черты Н. Д. Зори – принципиальность, точность и предельная честность.

С началом Великой Отечественной войны служил в действующей армии помощником, а затем заместителем прокурора фронта, прокурором армии. Участвовал в Керченско-Феодосийской, Сталинградской, Орловско-Курской операциях. В августе 1944 г. он был назначен советником по правовым вопросам Н. Булганина, возглавлявшего советское представительство при польском Комитете национального освобождения. Это было сложное время Варшавского восстания, стоившее Зоре сильнейшего психологического напряжения. Он вышел в отставку и год оставался без работы. В мае 1945 г. его назначили помощником Прокурора СССР, а 28 декабря 1945 г. направили в Нюрнберг помощником главного обвинителя от СССР. Грамотный юрист и великолепный оратор, он произнес речи по разделам обвинения «Агрессия против СССР» и «Принудительный труд и угон в фашистское рабство», участвовал в допросах свидетелей.

Как уже ранее отмечалось, 22 мая 1946 г. произошла трагедия: Н. Д. Зоря был найден мертвым в своем номере…

РАГИНСКИЙ Марк Юрьевич (1903–1991) – известный юрист, государственный советник юстиции 2-го класса, доктор юридических наук. В 1923 г. начал работать следователем в органах прокуратуры Петроградской губернии, затем в Гомеле, Ленинграде, Ростове-на-Дону и Москве. В 1934 г. переведен в Прокуратуру СССР прокурором отдела.

Затем он – следователь, следователь по важнейшим делам, помощник Прокурора СССР.

Во время Великой Отечественной войны руководил оперативной группой прокуратуры по контролю за производством боеприпасов. В мае 1942 г. назначен уполномоченным Государственного комитета обороны на один из уральских заводов Наркомата боеприпасов. Объемы выпуска продукции на предприятии постоянно росли, а рабочих не хватало. Для пополнения кадров Рагинский использовал свои прокурорские полномочия. *«Мне было известно, что на территории области отбывают наказание лица, осужденные за самовольный уход с предприятий, – вспоминал он. – В течение нескольких дней вместе с работниками областной прокуратуры мы ознакомились с материалами на этих осужденных, со многими из них побеседовали. Получив по телефону разрешение Прокурора СССР В. М. Бочкова, я отобрал несколько сотен человек, приостановил в отношении их исполнение приговора и направил их на завод. Эти люди самоотверженным трудом искупили свою вину, в установленном порядке были помилованы, а по окончании войны многие из них награждены орденами и медалями».*

В военное и послевоенное время участвовал в подготовке и проведении судебных процессов над фашистскими преступниками и их пособниками. Был помощником главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе. Выступал по разделам обвинения «Ограбление и уничтожение культурных ценностей», «Разрушение и уничтожение городов и сел», допрашивал свидетелей.

СМИРНОВ Лев Николаевич (1911–1986) – видный юрист, государственный и общественный деятель. Начал трудиться с 15 лет: сотрудник молодежной газеты, лектор, инспектор-методист отдела культурно-просветительной работы Ленинградского горисполкома.

С 1934 г. работал в органах прокуратуры. Занимал должности старшего следователя Ленинградской областной и Мурманской окружной прокуратур, прокуратуры Петроградского района Ленинграда, старшего следователя-методиста Ленинградской городской прокуратуры.

С 1941 г. на фронте – следователь военной прокуратуры. В 1943 г. переведен в аппарат Прокуратуры СССР – следователь по важнейшим делам, прокурор следственного отдела, прокурор для особых поручений при Прокуроре СССР.

Выполнял специальные поручения по расследованию и поддержанию обвинения по ряду дел о злодеяниях фашистских захватчиков, в частности, в качестве государственного обвинителя выступал на Смоленском процессе. Участвовал в Нюрнбергском процессе в качестве помощника главного обвинителя от СССР. Представлял доказательства по разделам обвинения «Преступления против мирного населения», «Преступления против человечности», а также о преднамеренном убийстве 50 пленных офицеров британских воздушных сил, расстрелянных после неудачного побега из концлагеря.

Л. Н. Смирнов был помощником советского обвинителя на процессе в Токио над главными японскими военными преступниками, поддерживал государственное обвинение на Хабаровском процессе, который осудил японских милитаристов, виновных в подготовке бактериологической войны.

КАРЕВ Дмитрий Степанович (1908–1972) – специалист в области права, доктор юридических наук, полковник юстиции. На юридическом факультете МГУ преподавал курс судопроизводства и уголовного процесса. Автор учебников и учебных пособий для студентов и практиков. На Нюрнбергском процессе был помощником главного обвинителя от СССР. Ведал документальной частью обвинения, докладывал на заседаниях суда порядок представления доказательств. Автор брошюры «Нюрнбергский процесс».

ШЕЙНИН Лев Романович (1906–1967) – специалист в области права, государственный советник юстиции 2-го класса, писатель и драматург. Родился 12 марта 1906 г. в поселке Брусованка Велижского уезда Витебской губернии в семье служащего. В 1921–1923 гг. учился в Высшем литературно-художественном институте им. В. Я. Брюсова.

С 1923 г. по комсомольской мобилизации работал следователем в органах прокуратуры Орехово-Зуева, Москвы, Ленинграда. С 1935 г. – начальник следственного отдела Прокуратуры СССР.

На способного молодого работника обратило внимание руководство. Тогдашний Прокурор Союза ССР Акулов (позднее один из подследственных Шейнина) по рекомендации Вышинского взял его с собой в Ленинград, где проводилось расследование убийства С. М. Кирова. Поскольку следствие «вершил» лично Сталин со своими подручными Ягодой, Ежовым, Аграновым, роль Акулова была там второстепенной, а уж Шейнина – тем более. Тем не менее участие в этом деле дало ему возможность выдвинуться – скоро он стал правой рукой Прокурора Союза ССР А. Я. Вышинского. Видимо, это и спасло Шейнина от участи многих прокуроров, попавших в жернова сталинских репрессий конца 1930-х гг. То и дело «ставили к стенке» то одного, то другого очередного «заговорщика» – неудивительно, что имя Льва Шейнина тоже фигурировало в некоторых протоколах допросов. Но ход этим показаниям сразу почему-то не дали.

Следственным отделом Прокуратуры Союза ССР Шейнин руководил более 12 лет и слыл большим «спецом» по политическим делам.

С октября 1945 г. принимал участие в работе Нюрнбергского трибунала, был помощником главного обвинителя от СССР. Выступал по разделу обвинения «Разграбление и расхищение государственной, частной и общественной собственности». Участвовал в освещении процесса в печати.

Члены Международного военного трибунала

НИКИТЧЕНКО Иона Тимофеевич (1895–1968) – деятель советской военной юстиции, генерал-майор. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Председателем военного трибунала стал в годы Гражданской войны. Занимал руководящие посты в судебных органах СССР, неоднократно избирался членом Верховного суда СССР.

В июне 1945 г. возглавлял советскую делегацию на переговорах в Лондоне о создании Международного военного трибунала, участвовал в выработке его Устава. Как представитель СССР входил в число членов Нюрнбергского суда.

Среди судей пользовался большим уважением. На процессе его называли «судьей жесткого курса». И. Т. Никитченко корректно, но решительно пресекал попытки подсудимых и их адвокатов извращать истину, задавать свидетелям наводящие вопросы, представлять сомнительные доказательства, затягивать процесс.

Выступал за наказание военных преступников в полную меру их доказанных злодеяний. В Нюрнберге выступил с особым мнением, касающимся оправдания Шахта, Папена, Фриче, неприменения смертной казни к Гессу, непризнания преступными организациями гитлеровского правительства, Верховного командования и Генерального штаба вермахта.

ВОЛЧКОВ Александр Федорович (1902–1978) – специалист по международному праву, подполковник юстиции. Занимал должности следователя, прокурора. С 1931 г. работал в Наркомате иностранных дел, в годы войны – в Наркомате юстиции. На Нюрнбергском процессе был заместителем члена трибунала от СССР, получил признание как квалифицированный и принципиальный юрист.

Следственная группа при главном обвинителе от СССР

АЛЕКСАНДРОВ Георгий Николаевич (1902–1979) – специалист в области права, государственный советник юстиции 3-го класса. Участник Гражданской войны. С 1934 г. работал в Прокуратуре СССР на ответственных должностях. С сентября 1945 г. был в составе следственной группы при главном обвинителе от СССР. В ходе процесса допрашивал Шахта, Шираха, Заукеля, свидетелей.

Автор книги «Нюрнберг вчера и сегодня» и других произведений, разоблачающих преступления нацистов.

ОРЛОВ Николай Андреевич (1908–1970) – специалист в области права, государственный советник юстиции 3-го класса. С 1933 г. работал в органах прокуратуры. На Нюрнбергском процессе входил в состав следственной группы при главном обвинителе от СССР.

ПИРАДОВ Сергей Каспарович (1893–1974) – специалист в области права, полковник юстиции. С 1923 г. работал в органах прокуратуры. Занимал ответственные должности в военной прокуратуре и прокуратуре на железнодорожном транспорте. На обоих участках внес заметный вклад в укрепление законности и правопорядка. Участвовал в работе Международ-

ного военного трибунала в Нюрнберге в составе следственной группы при главном обвинителе от СССР.

РОЗЕНБЛИТ Соломон Яковлевич (1897–1969) – специалист в области права, кандидат юридических наук, полковник юстиции. Участник Гражданской войны. Затем работал военным следователем. С 1929 г. – военный прокурор. С 1941 г. – на руководящих должностях в Главной военной прокуратуре. На Нюрнбергском процессе входил в следственную группу при главном обвинителе от СССР. В 1946 г. был помощником заместителя обвинителя от СССР на Токийском процессе над японскими военными преступниками.

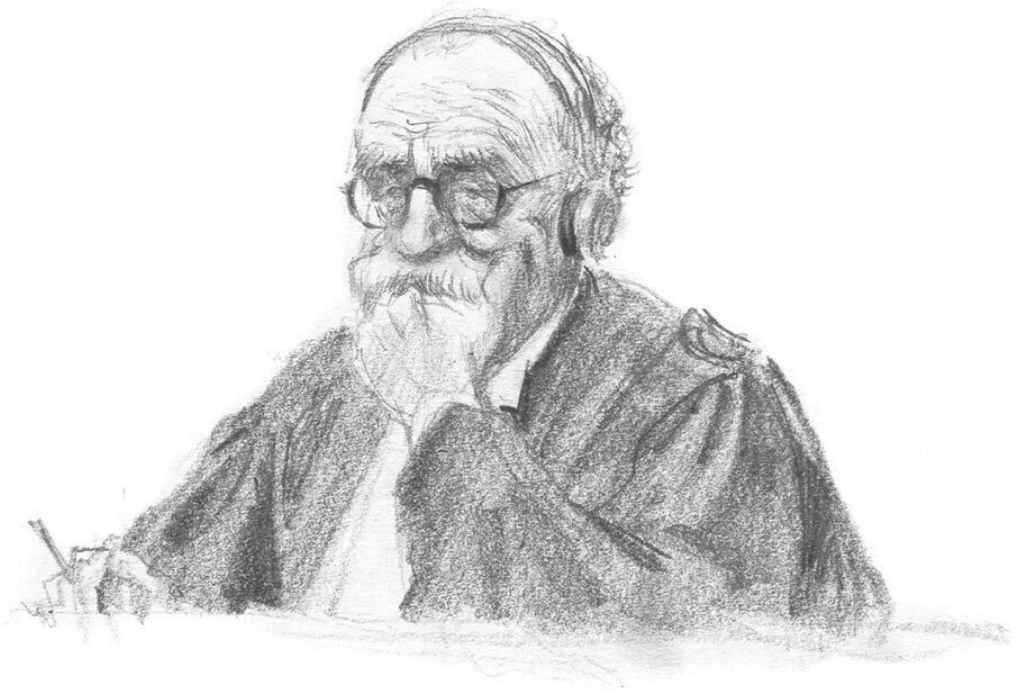
Консультант

ТРАЙНИН Арон Наумович (1883–1957) – специалист в области права, член-корреспондент Академии наук СССР, профессор МГУ. Во время Нюрнбергского процесса был консультантом советской делегации. Внес большой вклад в разработку Устава Нюрнбергского международного военного трибунала. Автор монографий, книг, статей по проблемам ответственности нацистских военных преступников.

Судьи от стран-союзниц

ЛОУРЕНС Джеффри (1880–1947) – видный специалист в области права, лорд-судья Великобритании. С 1906 г. – адвокат высшей квалификации (барристер). Участник Первой мировой войны. С 1925 г. – королевский советник. В 1924–1946 гг. – мировой судья (рикордер) в Оксфорде, одновременно судья по допросу свидетелей по делам, связанным с церковным правом. Генеральный атторней при принце Уэльском.

В сентябре 1945 г. назначен членом Международного военного трибунала в Нюрнберге. В октябре 1945 г. избран председателем суда. Пользовался уважением коллег из стран антигитлеровской коалиции. Строго следил за соблюдением Устава трибунала.



Жуков Н. Н. Рисунок «Французский судья»

БИДДЛ Фрэнсис (1886–1968) – специалист в области права, государственный деятель США. С 1912 г. – член Ассоциации юристов штата Пенсильвания. В 1922–1926 гг. – помощник Генерального атторнея США в восточном округе штата Пенсильвания. Работал в частных юридических фирмах, в том числе в фирме «Барнс, Биддл и Майерс». С 1940 г. – заместитель министра юстиции США, с 1941 г. – министр юстиции.

Был членом Международного военного трибунала в Нюрнберге от США. Доктор права Бостонского университета. Автор книг.

ДЕ ВАБР Анри Доннедье (1886–1964) – специалист в области уголовного и международного права, профессор Парижского университета. Участвовал в разработке Устава Международного военного трибунала. В октябре 1945 г. назначен членом трибунала от Франции. Автор книг и публикаций по юридическим вопросам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.